КРОКОДИЛ

— Эй, на вахте! Так держать!

Рисунок Ивана СЕМЕНОВА

Михаил ХОНИНОВ

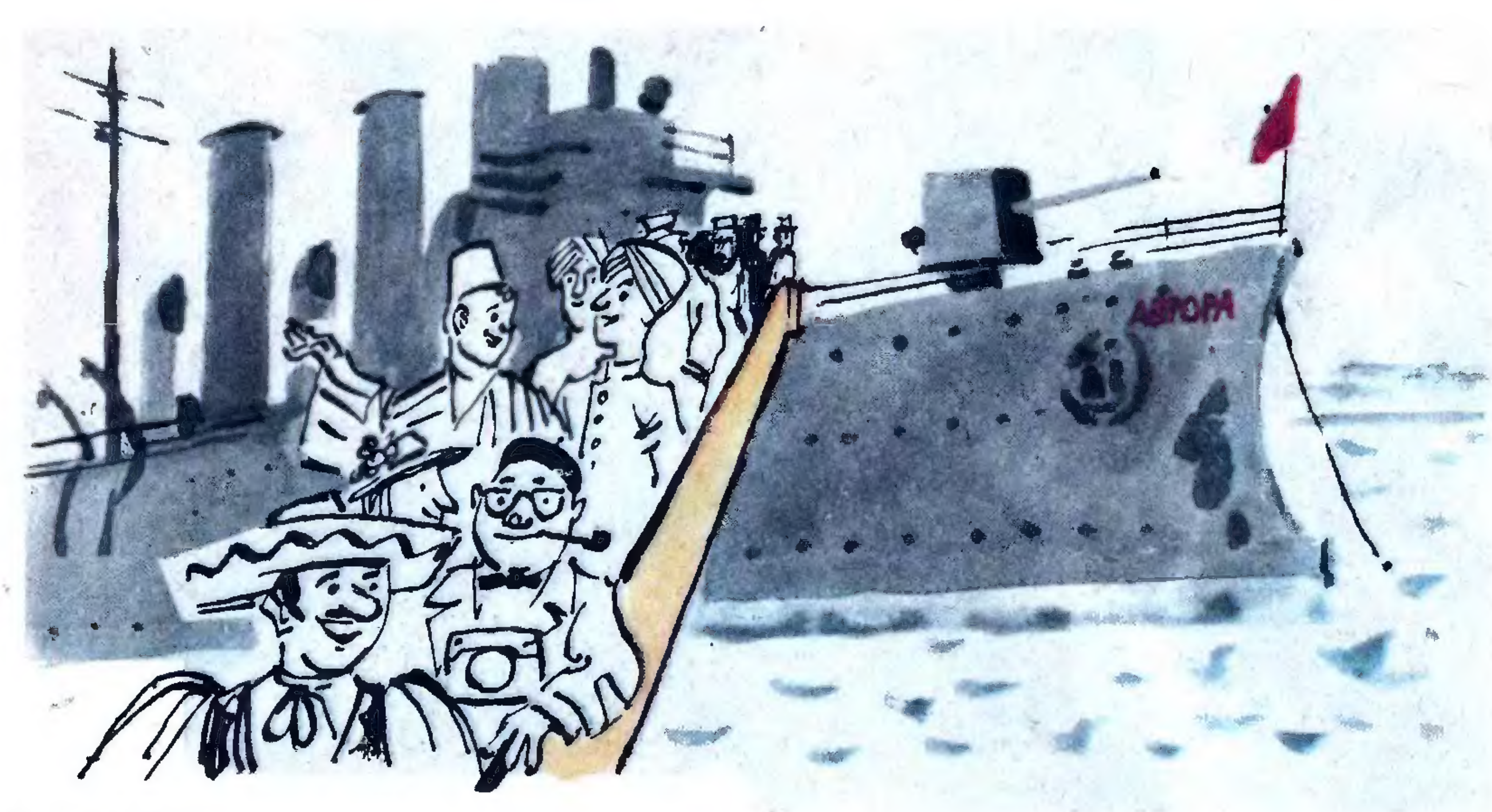
О том, как старая Россия вылетела из седла

Октябрь
могучий молот
опустил —
Отпрянула
России старой нечисть.
Народ,
как богатырь,
расправив плечи,
Навек
поводья власти
захватил.
Октябрь
серпом расплаты
полоснул,
Отбросив прочь
весь старый хлам
до нитки...
Так выброшенный кем-то
из кибитки
Таган
в болоте
ржавом утонул.

Под красною звездой
на скакуне
Прошел Октябрь
и нашими степями...
Оставив
жалких бывших
под конями,
Октябрь
остался гордый
на коне.
Из седел выбив
дармоедов разных
И ветром свежим
всколыхнув страну,
Он,
словно «Белый месяц» —
сердца праздник,
Открыл
для мира
новую весну!

«Белый месяц» — калмыцкий народный праздник весны.

Перевел с калмыцкого Андрей ВНУКОВ.

С корабля...

...на бал!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

1. Два визита человека в ошейнике

Господина юрисконсульта я никогда не видел, но представляется он мне в котелке, в черной тройке и при накрахмаленном до целлулоидной твердости стоячем воротничке. Воротничок напоминает ошейник. Именно ошейник, потому что господин юрисконсульт был цепным псом венгерского угольного короля Ференца Корина. Господин юрисконсульт тыкал черным зонтиком в кресла и серванты, украшавшие особняк Ференца Корина, приговаривая:

— Надеюсь, госпожа Келен разрешит вывезти эту мебель? Насколько я разбираюсь в медицине, детский туберкулез не лечат сервантами.

— Не разрешаю,— отвечала коммунистка Йолан Келен.— Вилла национализирована Советской властью для больных детей и национализирована, конечно, со всей обстановкой.

В 1919 году Йолан Келен руководила отделом социального обеспечения детей при комиссариате народного просвещения Венгерской советской республики. Республика просуществовала 133 дня.

Однажды вечером, когда дети укладывались спать, по гравию захрустели шины, заскрипели тормоза и паркет заныл под тяжким топотом сапог. В спальню вошли солдаты, предводительствуемые человеком в целлулоидном ошейнике.

— Очистить помещение,— сухо распорядился юрисконсульт.— Быстро. Ваши Советы свергнуты.

Маленькие человечки связали в узелки пожитки, построились. Коротенькая процессия, тридцать пар, двинулась вниз со Швабской горы, в ночь, обратно в нищету и беспросветность...

О грустной этой истории я прочитал в сборнике «1919 год в Венгрии», лежа на верхней полке вагона экспресса «Москва — Будапешт»... История волновала и тянула в журналистский поиск. Проворная профессиональная фантазия вмиг сложила концовку будущего очерка: «И вот теперь в бывшей вилле угольного короля снова хозяйничают наследные принцы республики — дети».

А не слишком ли вы прыткая барышня, уважаемая фантазия? Сидите, пожалуйста, спокойно и не пытайтесь обогнать экспресс «Москва — Будапешт». Поживем — увидим.

2. Полвека назад

Из-за старинного темного письменного стола встала, оторвавшись от рукописи, приветливая, сухонькая, почтенных лет женщина.

— Йолан Келен,— представилась она.— Да, да, это я создавала санаторий на Швабской горе. Мы отобрали 60 больных детей из беднейших пролетарских семей. Матери опасливо, как к раскаленному утюгу, притрагивались к белоснежным пододеяльникам и спрашивали: «А моему Яношу не влетит за то, что он улегся в господскую постель?» Два месяца ребятишки прожили, как в раю, ну а потом пришла та страшная ночь, о которой вы уже знаете. «Очистить помещение от этой сволочи»,— брезгливо приказал юрисконсульт солдатам. Что было с детьми! Дьявольская ярость охватила их. Один мальчонка расколошматил огромную фарфоровую вазу. Другой с дикой силой, невесть откуда взявшейся в его тщедушном тельце, разнес в щепки тяжелое резное кресло. А вы знаете, что пели, спускаясь с горы, малыши? «Интернационал». Тонкими, дерзкими голосами они с вызовом и отчаянием оглашали притихшую Швабскую гору звуками великого коммунистического гимна.

— Вы прекрасно говорите по-русски, товарищ Келен. Вы жили в России?

— Да. Если вы хотите узнать, как я попала в Россию, мне придется рассказать о моем муже. Йожеф Келен был наркомом Венгерского советского правительства. Он проводил национализацию частных предприятий. Естественно, хозяева и хозяйчики извивались, как ужи, или, точнее, как гадюки.

Однажды к мужу явилась разъяренная старуха.

— У меня был ресторан,— начала она.

— Ресторанами ведаю не я, а наркомат торговли,— ответил Келен.

— Но моя дочь беременна,— кипятилась посетительница.

— Тогда вам, очевидно, нужно обратиться в народный комиссариат здравоохранения.

— Нет, к вам, к вам, к вам!

— Насколько я помню, я не был знаком с вашей дочерью...

— Но ведь вы проводили национализацию частных фирм, в том числе и моего ресторана. А когда жених моей дочери узнал, что у нас уже нет ресторана, он отказался жениться на моей

Марк ВИЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

Особняк на улице короля Матиаса

бедной девочке, бросив ее в интересном положении. А все из-за вас, из-за коммунистов.

Время было грозное, буржуи копили злобу и ждали своего часа. Антанта слала ультиматумы и тянулась когтями к нашему горлу. Мы до боли в глазах вглядывались в карту военных действий и считали километры, отделявшие Венгерскую красную армию от ваших красных полков, шедших к нам на выручку. Но тогда российские братья не пробились... Контрреволюционеры приговорили мужа к пожизненному заключению. Муж был оптимистом и за решеткой учил русский язык. И не напрасно. Через три года Йожеф Келен говорил в Москве с Лениным.

— Ленин лично знал вашего мужа?

— Конечно. В 1922 году Советское правительство обменяло две тысячи четыреста венгерских пленных офицеров на четыреста коммунистов, томившихся в венгерских застенках. Так мы с мужем оказались в Москве. Узнав, что Келен — крупный специалист по электротехнике, Ленин через Кржижановского попросил мужа ознакомиться с планом ГОЭЛРО. А через несколько дней Владимир Ильич принял Келена. Ленин начал говорить по-немецки, а муж — по-русски, старательно выговаривая все буквы и делая чудовищные ударения. Потом дома он мне признался:

— Ты знаешь, мне кажется, я выучил в тюрьме не русский, а какой-то совсем другой язык.

Но Ленин тем не менее все понял. Замечания венгерского коммуниста к плану электрификации России были учтены.

— Спасибо, товарищ Келен. А вы не знаете, что сталось с бывшими пациентами туберкулезного санатория? Не встречались ли с ними потом?

— Нет. Боюсь, что судьба их незавидна. Уж очень тяжелые были времена: контрреволюция, безработица, война...

— И последний вопрос, если можно. Кто теперь живет на бывшей вилле Ференца Корина?— с некоторым замиранием сердца осведомился корреспондент Крокодила.

— Теперь там Дом ветеранов революции. Если желаете, я позвоню знакомым, очень милая супружеская пара — Софья и Ондраш Келемен, прекрасно говорят по-русски, они вам покажут дом и наверняка расскажут много интересного.

3. В доме на Сабадшаг-Хедь

Я ехал по извилистому, как штопор, шоссе, ввинчиваясь на бывшую Швабскую гору, сменившую теперь имя на Сабадшаг-Хедь — Гора Свободы. Узенькие пустынные тротуары млели под ярким солнцем. Шуршащая лиственная пена садов переливалась через низкие заборы. Наконец шоссе стало именоваться улицей короля Матиаса и забелело искомое — дом 17/19, бывшая вилла угольного короля. Шпалеры цветов, белых и красных, сонно кивнули мне головками. Два молодых (судя по блеску глаз) человека — позднее выяснилось, что им сообща перевалило за 160 лет,— обсуждали вероятный исход предстоявшего футбольного матча.

Ондраш Келемен провел меня через анфиладу залов, холлов и просто комнат, которые казались бы музейными, не будь они согреты теплом повседневного человеческого жилья. (В котором же из этих холлов полвека назад тщедушный малыш крушил мебель?)

— Моя супруга Софья Вильгельмовна,— представляет Келемен гладко причесанную седую женщину.— Мы поженились сорок семь лет назад в Москве. Я был в России военнопленным. В девятнадцатом году колчаковцы обвинили меня в связях с большевиками и бросили в тюрьму. Я переболел коллекцией тифов — сыпным, брюшным, возвратным. Соня тогда только приехала в Москву из Венгрии, тоже из тюрьмы. Ее обменяли из расчета один к шести — шестерых злющих лейтенантов отдали за одну молодую коммунистку. Потом я много лет работал в венгерской редакции Московского радио, а Софья Вильгельмовна—завучем в московской школе.

— Да,— сказала Софья Вильгельмовна,— и, может быть, вам будет интересно: в моей школе училась Таня Бауэр, будущая советская героиня-разведчица. Она свободно говорила по-немецки, и мы часто с ней беседовали. Чудесная была девочка. Я ведь и комсомольские собрания учила их проводить...

— Скажите, товарищ Келемен, а нет ли здесь на горе или поблизости детского лагеря или, скажем, санатория для ребят?

— Ешьте персики и называйте меня Андреем Осиповичем. Лагерь? Есть. Здесь под горой, в Прохладной долине.

Мы весело покатили под гору, по улице короля Матиаса, аккурат той дорогой, где полвека назад брели они, маленькие, сирые, выставленные на улицу прикладом контрреволюции...

4. Сразу после войны

Пионерский лагерь раскинулся в долине промеж двух гор, похожих на мохнатых спящих медведей, если, конечно, бывают зеленые медведи. Мальчишки и девчонки в кедах, джинсах и красных галстуках, ну в точности такие, как в Горьком или Хабаровске, рассказывают о своем пионерском житье-бытье — сборы, турпоходы, соревнования, два раза на Балатон ездили — красота!

Я смотрел на счастливые ребячьи мордашки, удивляясь, как ловко они нагуляли себе румянец в тон своим красным галстукам, и думал: «Здесь Ленин». Эти слова из телеграммы, посланной 22 марта 1919 года правительству Венгерской республики, означали лишь то, что у радиоаппарата стоял сам Владимир Ильич. Дальше шло: «Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм...» Но, путешествуя по Венгрии в августе 1969 года, я часто повторял про себя эти слова—«здесь Ленин» — в ином, расширенном толковании.

— Ну вот и наша тихая обитель,— сказал Ондраш Келемен, когда мы вернулись в Дом ветеранов революции.— А ведь какой тут стоял веселый ребячий гомон, когда здесь помещался Дворец пионеров!

— Вы хотите сказать, туберкулезный санаторий?

— Нет, я хочу сказать Дворец пионеров.

— Когда?!

— Сразу после войны. Советский генерал Замерцев — между прочим, мой большой друг — преподнес виллу венгерским пионерам. А позднее ребятам дали несколько домов в городе.

— Где же мне найти Замерцева?

— Как где? Записывайте: Москва, Садово-Спасская...

5. Иван Терентьевич восстанавливает справедливость

Поезд шел на восток, давно оставив за хвостовым вагоном станцию Чоп с ее элегантными пограничниками и проницательными таможенниками. Я глядел в ночь, прошитую желтой электрострочкой, и думал о хитросплетении человеческих дел и судеб. В сияние наших электроламп вложено и свечение сердца венгерского коммуниста Йожефа Келена — частичка его труда в ГОЭЛРО. На самолете с погашенными огнями летела во вражеский тыл советская разведчица Таня Бауэр — ее воспитала в московской школе венгерская коммунистка. Здесь Ленин... И там, в Венгрии,— Ленин. То, о чем мечтали в Москве и Будапеште в девятнадцатом, сбылось. В сорок четвертом потомки красноармейцев девятнадцатого года пробились в Венгрию...

Ивану Терентьевичу Замерцеву под семьдесят. Генерал крепок, умен, весел, хитер и узкоглаз— чем-то он смахивает на одного из запорожцев, что писали письмо турецкому султану.

— А было, значит, так,— говорит он.— Мой гвардейский корпус первым вышел на венгерскую границу. Маршал Малиновский назначил меня комендантом Будапешта. Я увидел обугленные развалины, развороченные улицы с воронками от бомб, согнутые рельсы, поваленные фонарные столбы. И среди всего этого фигурки оборванных детишек с пыльными лицами... Ну, постепенно жизнь налаживалась. И вот однажды приходят ко мне пионервожатый и две пионерки: «Помогите, товарищ комендант, получить хоть клочок земли для лагеря». «Хорошо,— говорю,— поехали». Сели в мой «бьюик» и покатили на Швабскую гору, на виллу сбежавшего Корина. Ребята помчались по комнатам, аж ветер засвистел. «Подходит?» — кричу вдогонку. Они только хохочут. Потом осмотрели свои хоромы и вернулись серьезные. «А кто же будет платить за аренду? У нас денег нет». «Я буду платить, пока вы не разбогатеете».

— Надо полагать, Иван Терентьевич, вам неизвестно, как сложились судьбы этих пионеров, кем кто стал... Все-таки четверть века прошло.

— Как раз и не надо полагать. Очень даже известно. Вот, глядите. Это письмо я получил четыре года назад от бывших пионеров. Через двадцать лет они собрались на юбилейный торжественный сбор. Стенограмму прислали мне. Обратите внимание на профессии около каждой подписи, вот здесь, здесь...

Обращаю внимание: замдиректора школы, агрономом, инженер-электрик, концертмейстер, художник, ассистент университетской кафедры... Ребята в порядке.

— Иван Терентьевич, вы, конечно, знали, что в 1919 году венгерские коммунисты заняли виллу Корина под туберкулезный санаторий для детей бедняков, а когда Советская республика потерпела поражение, детей выкинули оттуда?

— Что вы говорите! Не слыхал и не ведал.

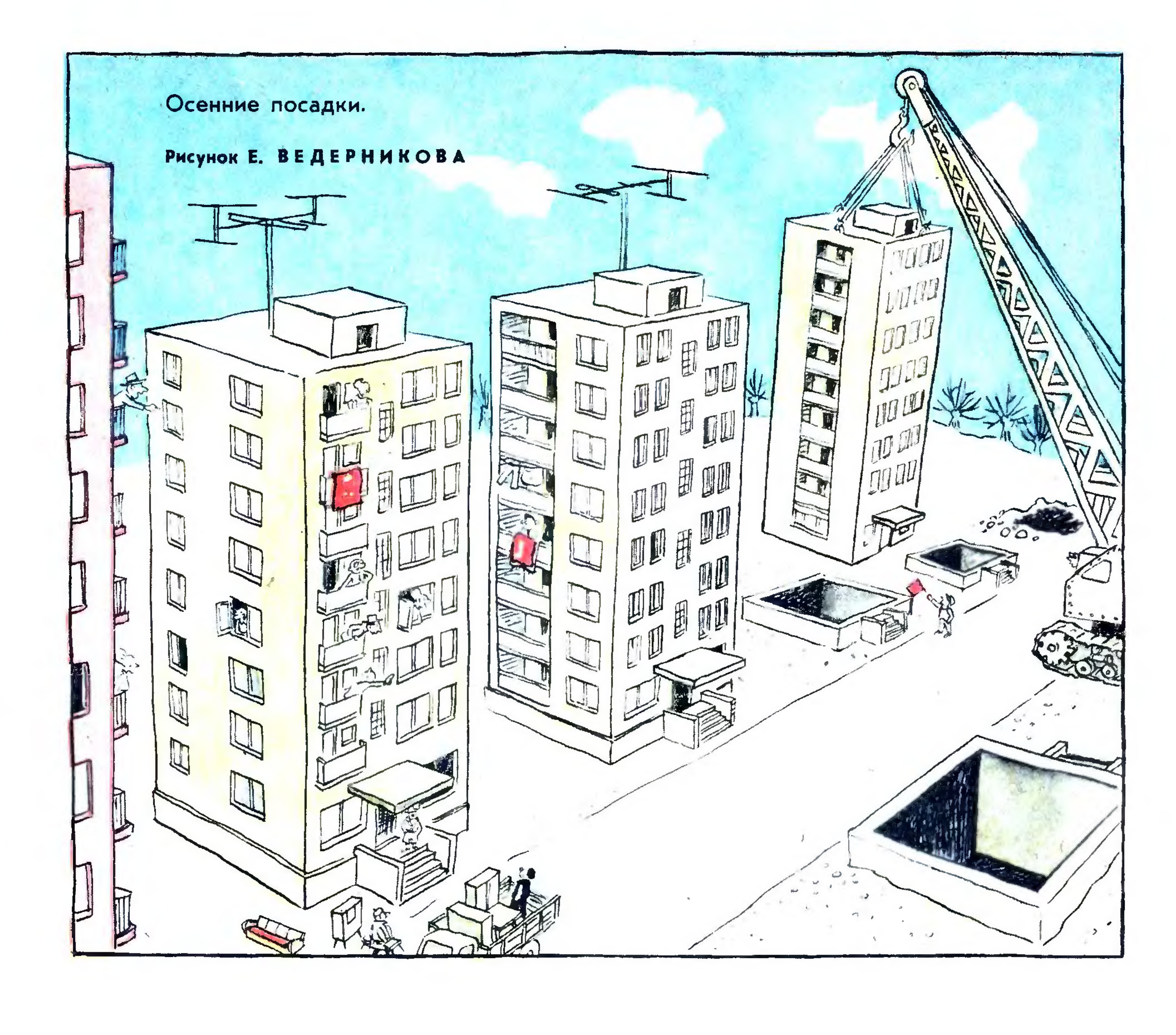
— А вы вернули особняк детям. Такая любопытная историческая случайность.

— Случайность? — Генерал посмотрел на меня своими веселыми, узкими, запорожскими глазами.— А по-моему, историческая справедливость...

Будапешт — Москва.

Устин МАЛАПАГИН

Осенние посадки.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Четыре, три, два, один, старт! — Лестничный марш кончился, и я шагнул в просыпающийся город. В ультрамарине утра темнели бруски панельных домов, осыпанные неразгаданными кроссвордами московских окон.

В нашем микрорайоне дома двух видов. Впрочем, как и в Свиблове, Дегунине и даже в Ховрине. Это длинные составы пятиэтажек («фоновая застройка», как объяснил нам районный архитектор) и вздыбленные двенадцатиэтажные башни («архитектурный акцент» — по тому же источнику).

Я живу в «архитектурном акценте» на 10-м этаже. Из моего окна открывается эпическая картина, которую условно можно назвать: «Битва строителей с подмосковной природой». Сейчас у них перемирие. Бульдозеры ушли, и на фоне золотого осеннего прибоя в это раннее утро наш микрорайон выглядит голубой мечтой новосела.

Наш микрорайон имеет свою историю, точно мне, впрочем, неизвестную. То ли на его просторах баловался соколиной охотой тишайший царь Алексей Михайлович, то ли на месте внутриквартальной котельной старостиха Василиса взяла в плен роту наполеоновских гренадеров. Когда-то от этого исторического места летели с гиком ямщики, тянулись тунеядцы-странники. Сегодня я добираюсь до места работы за час с небольшим. Главное — не опоздать на автобус. Поэтому, когда из-за поворота весело брызнули автобусные огни, я сделал глубокий вдох и бросился прямо в небольшое водохранилище остаточно-строительного происхождения, отделявшее меня от автобусной остановки.

Лично я убежден, что в переходе Иисусом Христом моря «по воде аки по суху» никакого чуда не было. Просто он знал дорогу. Попробовал бы он, возвращаясь часа в два ночи с новоселья и ведя под руки двух апостолов навеселе, добраться от моего подъезда до автобусной остановки, не замочив ног до колен! Я же делаю это в любое время суток по «слепому методу». Сказывается тренировка: у нас в микрорайоне чуда не произошло. Бульдозеры ушли, не закончив благоустройства.

Я скользил по глади вод, обдумывая, как взять на абордаж автобус. Ноги сами перескакивали с доски на кирпич, с кирпича на стеновую панель, не ставшую в дело. Двигаться было легко: апостолов и учеников у меня не было.

Я люблю московские автобусы. Заиндевевшие или раскаленные, оттопыренными жабрами крышных фрамуг хватающие пыль московских районов-новостроек, заливаемые осенними дождями, они снова и снова возвращаются к нам, неподвластные погоде, капризу и счетчику. Они работяги.

Мелькнет в ночи надменный пиратский глаз такси. В парк! В Домодедово! Просто мимо! Только не к вам, не в 385-й квартал. В 12.45 закроет свои гигиенические двери метро. И когда, казалось бы, все кончено и вам не миновать идти пешком через все княжество Московское в свой удельный микрорайон (да и существует ли он в этом ветреном, ночном, тревожном мире?), вдруг из-за угла, оттуда, где, по вашим предположениям, начинается конец света, светляком, ковчегом, салоном современного лайнера, натуженно пыхтя, вываливается автобус. Как и положено ковчегу, в нем мирно уживаются семь пар нечистых гитаристов, классическое святое семейство с дремлющим отцом и двумя дошкольницами и кто-то бесчувственный, перекатывающийся, делающий седьмой рейс подряд в немыслимом для человеческого тела положении.

«Опять от меня сбежала
Последняя электричка...»,—

голосят нечистые.

Святое семейство дремлет. В кассе побрякивают случайные пятаки. И происходит чудо. Княжество сжимается до размеров современного города. Ваша задача — угадать свой квартал в бесконечном мелькании типовой застройки.

Антиподом вечернего, доброго, как Дед Мороз, автобуса является автобус утренний, хмурый и деловой. Расслабленного гитариста в нем сменяет молчаливая и суровая дружина пассажиров-десантников. Одна мысль движет ими: не опоздать.

Ради этого они готовы на все, вплоть до взятия станций метро в пешем строю. Это гвардейцы транспорта, нечувствительные к боли. Они спокойно переносят давление до 12 атмосфер и могут висеть всю дорогу на одной руке, с интересом читая при этом «Советский спорт».

Вспыхивает во мгле неоновый костер метро. Напряжение нарастает. Один за одним мы падаем в синий проем дверей.

Позднее, когда все позади, сидя на работе, я горько сожалею о том, что никто не хронометрирует наших результатов в этот предутренний час. Этот бег, эти финты, рывки и уходы и, наконец, этот ежедневный неповторимый спурт на финишной прямой.

Вот и сейчас я бросаюсь под МАЗ, делаю обманное движение, пересекаю середину поля... Свисток. Поздно! Я в метро.

Можно рассчитать траекторию лунника; можно предвидеть последствия критики непосредственного начальства; бюро прогнозов, наконец, может точно предсказать погоду,— но никогда нельзя заранее сказать, когда и где москвич начнет переходить улицу.

Можно огородить ее барьером, можно построить подземные переходы и продавать там счастливые лотерейные билеты, можно вырыть рвы по бокам улицы и залить их водой,— все равно москвич останется москвичом. Он будет переходить улицу в неположенном месте.

Впрочем, если вдуматься, есть некоторая закономерность в миграции москвичей через проезжую часть. Как правило, они начинают переход на красный свет, выждав, когда вся лавина машин тронется и наберет скорость. На лице москвича, выскочившего чудом из-под колес, сияет ослепительная улыбка, которой он приглашает водителя посмеяться вместе милой шутке. Если вы москвич, вы знаете, что говорят водители в этом случае.

С улыбкой на лице, сопровождаемый комментариями, я оказался в вестибюле метро. В этот утренний час эскалаторы города жадно заглатывают бескрайние толпы москвичей. Время от времени они захлебываются, и тогда у их воронок образуется вязкая желеобразная масса. В такой среде скорость мгновенно гаснет, и опоздавший надолго влипает семечком в подсолнух толпы.

С трамплинного верха вестибюля, резко оттолкнувшись, я лечу вниз к грохоту поездов, бормотанию вагоновожатых и прощальному шипению дверей. Я — в нижнем вестибюле. Торможение, вираж — и вот уже резиновые губы пневмодверей сжимают мою ногу и портфель. Успел.

— Извините,— задыхаясь я, вывинчиваясь из чьей-то спины. И умолкаю под осуждающими взглядами спутников. Утренний пассажир не терпит многословия: раз вам ввинтились в спину, значит, иначе было нельзя. Вместе с портфелем зажат приготовленный с вечера Булгаков. Сосед справа штудирует «Ряды Фурье», соседка прямо — «Служебное собаководство». Выбираю «Ряды...»: «Собаководство» я трижды читал на прошлой неделе. С движением к центру города давление в вагоне нарастает. Постепенно мы теряем материальность. Вот я уже могу читать «Неделю» сквозь соседа слева. Кто-то проносит сквозь меня чемодан, кто-то держится сквозь меня за поручень.

Остановка. Мы выплескиваемся на гранит станции, мгновенно залив ее без остатка. Еще мгновение...— и нас нет. Я прохожу сквозь мужчину в реглане, стеклянную призму киоска, стену из силикатного кирпича и попадаю в средний проход нашего конструкторского бюро. Второй стол слева — мой.

Не спеша надеваю халат. Ровно девять. Рабочий день начался.

— А ну, кто здесь главный конструктор?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

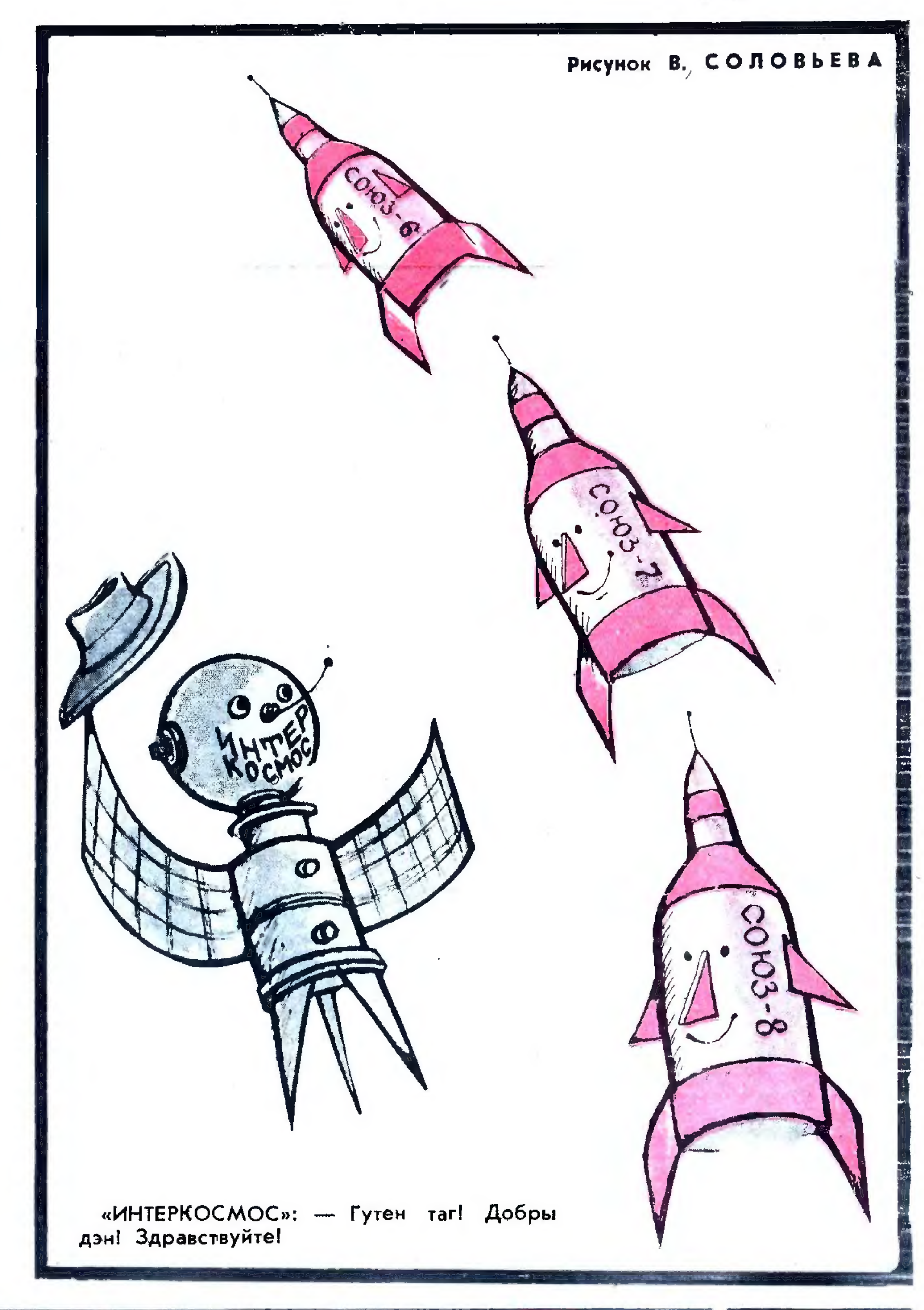

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

«ИНТЕРКОСМОС»: — Гутен таг! Добры дэн! Здравствуйте!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— «Завтрак космонавтов состоял из антрекота, хлеба бородинского, шоколада и черносмородинового сока...».

НА ШУТЛИВОЙ ОРБИТЕ

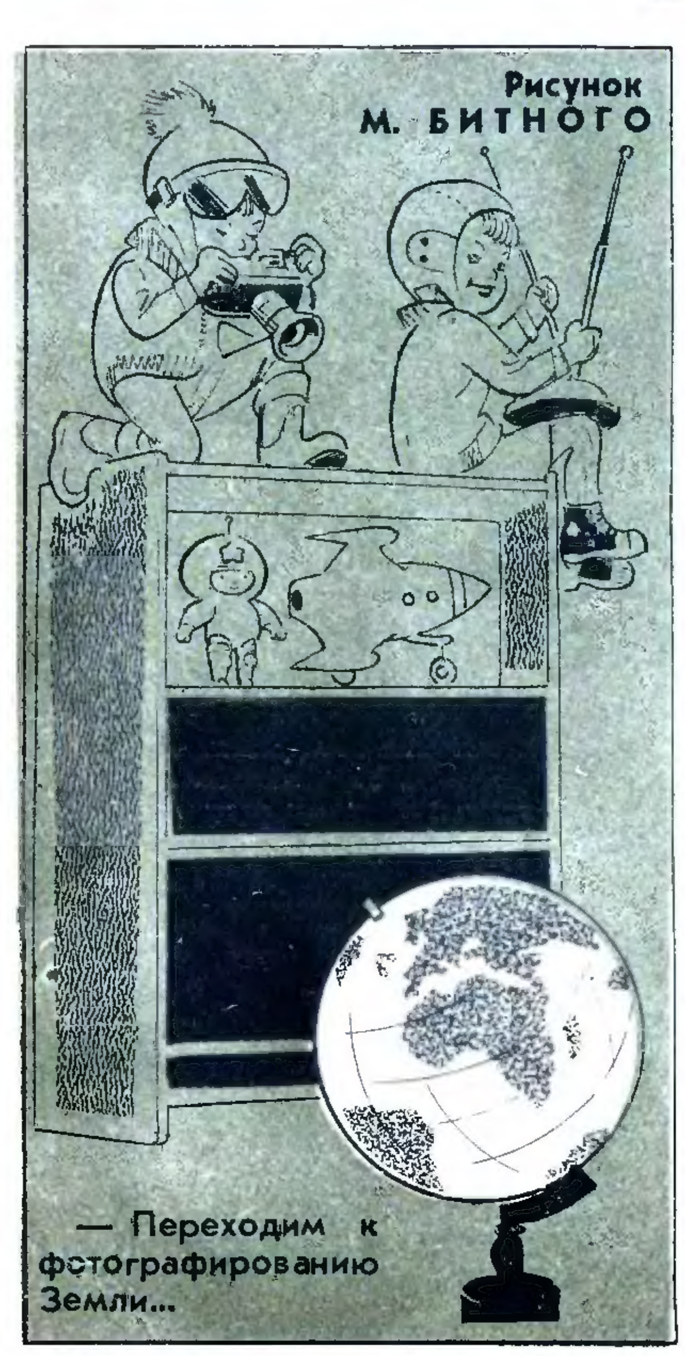

Рисунок М. БИТНОГО

— Переходим к фотографированию Земли...

— Неужели, старик, ты родился до начала космической эры?

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Ну вот, слушайте: допустим, это земной шар...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

МАСТЕРА СМЕХА ИЗ МОЕГО ЦЕХА

Дружеские шаржи И. ИГИНА

Эпиграммы А. ИВАНОВА, А. РЕЙЖЕВСКОГО, С. ШВЕЦОВА

Евг. ЩЕГЛОВ

Щеглов в искусство
Вписывает имя
Карандашами.
И притом цветными.

Ю. БЛАГОВ

Имея рифм запас немалый,
Стихи он пишет для журналов,
А для эстрады — конферансы,
Репризы — клоунам, романсы...
Он также автор интермедий
Для львов морских и для медведей.

Ю. ГАНФ

Международный капитал
Симпатий к Ганфу не питает,
Зато сюжетами питал
И до сих пор еще питает.

Н. ИЛЬИНА

За рабочий сядет стол
Этот сильный «слабый пол» —
От ударов Ильиной
На пол валится иной.

Б. ЛАСКИН

Неоднократно отмечали:
Его рассказы — близнецы.
(При драматическом начале —
Благополучные концы.)

В. ПОЛЯКОВ

Заслуженный сатирик Поляков
Высмеивает разных дураков.
Неужто Полякову непонятно,
Что дуракам-то это неприятно?

Е. ВЕДЕРНИКОВ

Доказать весьма несложно
По журнальному листу —
Выполняет план художник
По рогатому скоту.

С. ВАСИЛЬЕВ

Многим портит аппетит
Пародийный стиль его.
Он в пародиях щадит
Одного... Васильева.

А. НИКОЛЬСКИЙ

Что ж, быт он изучил
И пишет споро.
Известность получил
За быт... Так скоро?!

ВО ПОЛЕ — НОЧЬ

Евгений МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

В ночи — гвозди и мы. Еще арбузы, звезды и сторож Лямзин. Луна также имеется. За тучкой.

Но главное — мы и гвозди. Они торчат из дороги, по которой мы идем. Поэтому мы не просто идем, а идем, остро воспринимая действительность.

Тут такое дело: бахча тут. Наливаются соком арбузы, сильно смущая прохожих и проезжих.

И не стоит убеждать читателя в том, что человечество падко на арбузы. Если б, скажем, существовал какой-нибудь бюллетень «Кто ест что», то там наверняка было бы сказано: «Арбузы едят все». Но одна газета попыталась однажды посеять к арбузам недоверие. Поросенок, написала она, гораздо нужнее организму, чем арбуз. А через неделю под рубрикой «Так поступают настоящие люди» газета сообщила о том, что комсомолец Слава Бычков подобрал в трамвае поросенка и принес в редакцию.

Видите: арбуз вот никто не потерял, а потеряли поросенка. Но если б даже и арбуз... Не принес бы его Слава Бычков в редакцию. Ручаюсь. Сам бы съел. И не досчитались бы тогда мы в своих рядах одного настоящего человека.

Вот потому и торчат из проселочной дороги, пролегшей вдоль бахчи, эти гвозди. Их туда сторож Тимофей Ковтун вмастерил.

Есть возле бахчи и другая дорога, асфальтовая, Орджоникидзе — Моздок, не тронутая Ковтуном. Не решился он влиять на грузооборот республики, да и гвозди иссякли.

От этой-то дороги и напасти. То и дело проезжий человек тормозит возле бахчи. Вкусить арбуз на месте ему не возбраняют — вкушай! А он не только вкушает. Плохо улыбаясь, тащит арбузы в кузов, в багажник, в коляску... Тащит, одним словом.

И, конечно, встречает возражения со стороны сторожей. Сторожа Лямзина, например, однажды даже побили его же палкой, столкнули в канаву и укатили с арбузами на грузовике. Только и сумел сторож записать номер машины «09-87 СЕВ».

Он не боец, сторож Лямзин. Ноги у него больные. Он только номера машин на стенке будки записывает: «31-58 СЕВ», «70-79 СЕВ», «60-92 СЕВ» и так далее...

Не то что Ковтун Тимофей. Усмотрел Тимофей ночью фары в степи. На свет поспешил. Пока шел, фары погасли у самого края бахчи. Оказалось: мощный траллер и семеро кавказцев на нем. Ковтун остановился, не доходя.

— Здравствуйте, друг! — закричали кавказцы.— Мы тут у вас дорогу потеряли!

— Нету у нас дороги! — отозвался Тимофей.— Почему свет потушили! Здесь нехорошо пребывать без света.

— У нас тут у вас лампочки перегорели!

— Нету у нас лампочек! — жадничал Тимофей.— И арбузов нету!

— Ай, друг, зачем неправду говоришь! Ты лучше так скажи: возьмите арбузов на дорогу!

— А я вам говорю: нету дороги! Соль есть! Стрельну ею куда надо, будете полдня в Тереке сидеть!

— Терека нам не надо,— сказали кавказцы. И, включив фары, уехали в сторону Чечбалки.

...Мы сейчас тоже идем в сторону Чечбалки.

— Я не йог, чтоб по гвоздям ходить! — говорит колхозный инженер Хлюстов и забирается в бетонный оросительный лоток, который тоже вдоль бахчи тянется.

В лотке хлюпает. Рядом, в бурьяне, шебуршат мышки.

Лотки тоже имеют отношение к арбузам. Из-за них арбузы поспевают вовремя. А из-за арбузов поспевает вовремя «Севосетинводстрой». Не зевает. Созрели арбузы — водосливным лоткам сразу проверочка: не протекают ли они, не замусорились ли, по-прежнему ли бетонны и вообще что это за зеленые шары возле них валяются!

Аккуратное поспевание наблюдается и у электрификаторов из «Южэлектросетей». Две их высоковольтные линии — неподалеку от двух бахчей. Тоже интересно знать, крепки ли в сентябре опоры, не осыпаются ли изоляторы, провода не разболтались ли и вообще, как высокое напряжение сказывается на вкусовых качествах арбузов.

А также в это время охотничий сезон открывается, и обыкновенные охотники делаются большими охотниками до арбузов.

А также вертолет сюда наведывался. Маленький «Ми-1» из Грозного. Летел-летел в Моздок да и промазал. Сели узнать, где север, смотрят — а никакого севера нету. Одни арбузы вокруг. Пришлось довольствоваться арбузами.

При такой службе сторожа на скуку не жалуются. Жалуются на неимение права стрелять солью. Разрешено только дробью и только в воздух, да и то если в нем самолеты не содержатся. Солью только угрожать можно.

Сегодня бригадир снабдил сторожей последними боеприпасами: 1,5 килограмма дроби, 300 граммов пороха, 100 граммов капсюлей. Назавтра колхоз увезет отсюда последние арбузы, и вокруг будет покой.

Вообще-то набеги бывают не только на арбузы. И разный другой продукт в колхозах родится. Осень для милиции — самый сезон поимок с поличным.

Да и не только для милиции. Еще и общественность рейды устраивает. Сам председатель райисполкома Катенев в таком рейде целый автобус набежчиков обнаружил. Увидел в степи автобус, взял и заподозрил. Но, пока подъехал к нему, пуст автобус оказался. Только шофер да виноград внутри. Шофер, конечно, заехал сюда по ошибке. Дорога прямо из-под колес пропала.

— А люди где!

— Люди где-то. Один туда ушел, другой сюда ушел, третий не знаю куда ушел. А я никуда не ушел, я тут сижу.

— А виноград откуда!

— Очень даже не знаю, откуда виноград. Посмотрел назад, а он в автобусе сам лежит.

Что в таких случаях делают! Обнаруженный продукт отбирают. Иногда штрафуют. Иногда (инициатива колхозных руководителей) заставляют отработать грех в колхозе. Иногда конфискуют важные личные автомотодетали: ниппеля, насосы, регулировочные винты, крышки баков... Неподсуден человек, если меньше чем на сто рублей государство разорил.

В пределах сотни набежчик и держится. Чем сто, лучше два раза по пятьдесят. Еще лучше — три раза по семьдесят.

Но арбузы — статья особая.

— Напишите статью о том,— говорили мне в колхозе,— что с этими арбузами особенное беспокойство. Хищение не хищение, а отведать каждый наведается. Вы напишите, а мы вам за это — арбуз.

Кое-что человеческое не чуждо и фельетонистам. Поэтому я написал фельетон. А мне за это — арбуз. И никаких гвоздей.

Колхоз имени Кирова, Моздокский район, Северо-Осетинская АССР.

Святослав СПАССКИЙ

Интервью

В город Н. приехал известный киноактер М. Приехал он утром, а вечером к нему в номер ворвался представитель Н-ской газеты литсотрудник Р.

— Разрешите взять интервью? — спросил Р.

М. был польщен.

— Пожалуйста.

Р. торопливо раскрыл блокнот.

— Скажите, по какой улице какого города вам хотелось бы пройти?

М. изумленно захлопал красивыми актерскими ресницами.

— Простите, я, может быть, не понял? Это что, начинается интервью?

— Конечно. Так сейчас все интервьюируют.

— Ну что ж,— сказал М.— Я хотел бы пройти по главной улице вашего города, если вы меня особенно не задержите.

— Начало есть! —ликуя, воскликнул Р.— Следующий вопрос: ваше любимое время года?

— Не понимаю, неужели вашим читателям это важно? — спросил М.— Хорошо, пожалуйста,— любимое время года — пока зима.

— Почему пока?

— Я стою в очереди на холодильник. Как получу его, тогда любимым временем года у меня будет лето. А сейчас, знаете, трудно: приходится каждый день ходить в магазин за продуктами.

— Ваш девиз?

— Как девиз?

— Ну девиз. Каждый человек должен жить под девизом.

— Не знаю... А у вас-то есть девиз?

Р. замялся.

— Ну, вообще-то есть.

— Какой же?

— Примерно так: «Бороться, побеждая».

М. уважительно хмыкнул.

— А еще? Ну, допустим, у вашей жены?

— У моей жены,— саркастически сказал Р.,— девиз известен: «Делай все наперекор мужу».

— Да-а...— М. задумался.— Вы знаете, а я вот както без девиза живу. Уж и не знаю, как быть.

— Ладно,— сказал Р.,— девиз додумаем. Пошли дальше. Ваш любимый писатель? Художник? Артист?

— Их у меня по двое, это ничего? Ильф и Петров, Елисеев и Скобелев, Миров и Новицкий.

— Отлично. Так и запишем. Ваш любимый цвет?

М. подскочил.

— Ну, знаете! А вам не кажется... А вас не интересует, в каком ухе у меня звенит?

— Да вы не волнуйтесь. Нас интересует ваш любимый цвет.

— А я дальтоник. Допустим, мне нравится синий цвет, а он, может, на самом деле оранжевый...

— Звук?

М. растерялся.

— А разве и звук может быть любимым? А ваш какой?

— Это нечестно,— сказал Р.— Кто кого интервьюирует? Я люблю шум прибоя.

— Прибой и я люблю,— обрадовался М.— Но вот еще мне нравится, когда поет Вадим Мулерман. Это ведь тоже звук?

— Звук,— сказал Р.

— Да? А еще яичница с салом очень приятно скворчит на сковороде,— мечтательно сказал М.

— Не забегайте вперед. Это уже вопрос о вашем любимом кушанье. Значит, яичница с салом?

— Да,— сказал он.— И еще шашлык по-карски. И сибирские пельмени. И печень тресковая в масле. И судак по-польски...

— Хватит! — сказал Р.— Уже много.

— Когда голоден,— сказал М.,—все устроит. А картошка жареная с малосольным огурцом — это не вещь?

— Вещь,— ответил Р.,— Ваш любимый напиток?

М. кинул подозрительный взгляд.

— И вы все это напечатаете?

— Конечно. А для чего же я вас выспрашиваю?

— Тогда пишите,— торопливо сказал М.,— тонизирующий напиток «Саяны».

— Ясно. Ваше представление о счастье?

— Ну,— неуверенно начал М.,— это когда всем людям хорошо, и мне тоже. И когда идет фильм с моим участием.

— О несчастье?

— А это когда всем плохо, и мне тоже. И когда фильм идет без моего участия.

— Что вам больше всего понравилось в нашем городе?

— Люди,— сказал М. торжественно,— люди у вас хорошие. Впрочем, и в других городах тоже.

— Ну, спасибо. На прощание: что бы вы хотели пожелать нашим читателям?

М. встал.

— Ах, черт возьми,— сказал он,— я желаю, чтобы им не пришлось видеть на страницах их любимой газеты результаты этого странного опроса. Ведь вы даже не спросили меня, зачем я приехал в ваш город, чем думаю заняться. Мне кажется, приступать к работе можно, только обдумав заранее все детали.

Р. возбужденно воскликнул:

— Вот, это именно то, чего нам не хватало! Будем считать это вашим девизом. Итак, «приступать к работе, только обдумав все детали»! Великолепно!

Сияющий, он вылетел из комнаты.

«ПОЗДРАВЛЯЮ ЛЕВУЮ СТОРОНУ»

Кронодил получил несколько переводов. К сожалению, не денежных и, увы, не литературных.

Однако, как выяснилось, огорчаться особенно не стоило. Одни переводы оказались намного интереснее иных литературных, другие — в определенном смысле даже дороже денежных.

Читатели прислали переводы с русского языка на телеграфный. Телеграфный язык — это прежде всего краткость. А краткость, как известно,— сестра таланта. А талант — это, в свою очередь, прежде всего проявление творческой индивидуальности.

И в самом деле, нельзя сказать, что все без исключения телеграфисты рабски следуют оригиналу. Некоторые руководствуются известным правилом: переводчик не раб автора, а его соперник.

Предлагаем вашему вниманию несколько образчиков переводческого творчества связистов. Сначала — текст телеграммы на русском языке, ниже — в переводе на телеграфный.

ПЕРЕВАЛ ПЕРЕШЛИ НОРМАЛЬНО НАХОДИМСЯ СУХУМИ ДАЛЬШЕ ПО МАРШРУТУ СОЛОМОНЕНКО.

=ПЕРЕВОД ПРИШЛИ НОРМАЛЬНО НАХОДИМСЯ СУХУМИ ДОМЕ ПО МАРШРУТУ=СОЛОМОНЕНКО=

СРОЧНО ВЫШЛИ ПОЖАЛУЙСТА САНИТАРНУЮ КНИЖКУ АДРЕСУ ТОЛЬЯТТИ ПРОЕЗД НЕКРАСОВСКИЙ 62 КОБЗЕВОЙ

=СРОЧНО ВЫШЛИ POALUJSTA SANITARNUJ КНИЖКУ АДРЕСУ ТОЛЬЯТТИ ПРОЕЗД НЕКРАСОВСКИЙ 62 КОБЗЕВОЙ=

ПАПА БОЛЕН ПАРАЛИЗОВАЛО ЛЕВУЮ СТОРОНУ ВЫЕЗЖАЙТЕ ОЛЯ

ПАПА БОЛЕН ПОЗДРАВЛЯЮ ЛЕВУЮ СТОРОНУ ВЫЕЗЖАЙТЕ=ОЛЯ

ДОЕХАЛИ ХОРОШО ВАСЯ ВСТРЕТИЛ СОСКУЧИЛИСЬ ЦЕЛУЕМ

=ДОЕХАЛИ ХОРОШО ВАСЯ ВСТРЕТИЛ СОСКУВРИЛИСЬ ЦЕЛУЕМ=2009

МЫ ПАСАНАУРИ ПУТЕВКОЙ ВОСХИЩЕНЫ ЗАГОРАЕМ КУШАЕМ ПОПРАВЛЯЕМСЯ

=МЫ ПАСАНАУРИ ПУТЕВКОЙ ВОСКРЕЩЕНЫ ЗАГОРАЕМ КУШАЕМ ОПРАВЛЯЕМСЯ=ВАСЯ ЮРА=

ДЯДЯ МИША НАТАША ПОЗДРАВЛЯЕМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЕМ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО ЦЕЛУЕМ ВИТЯ ГАНЯ

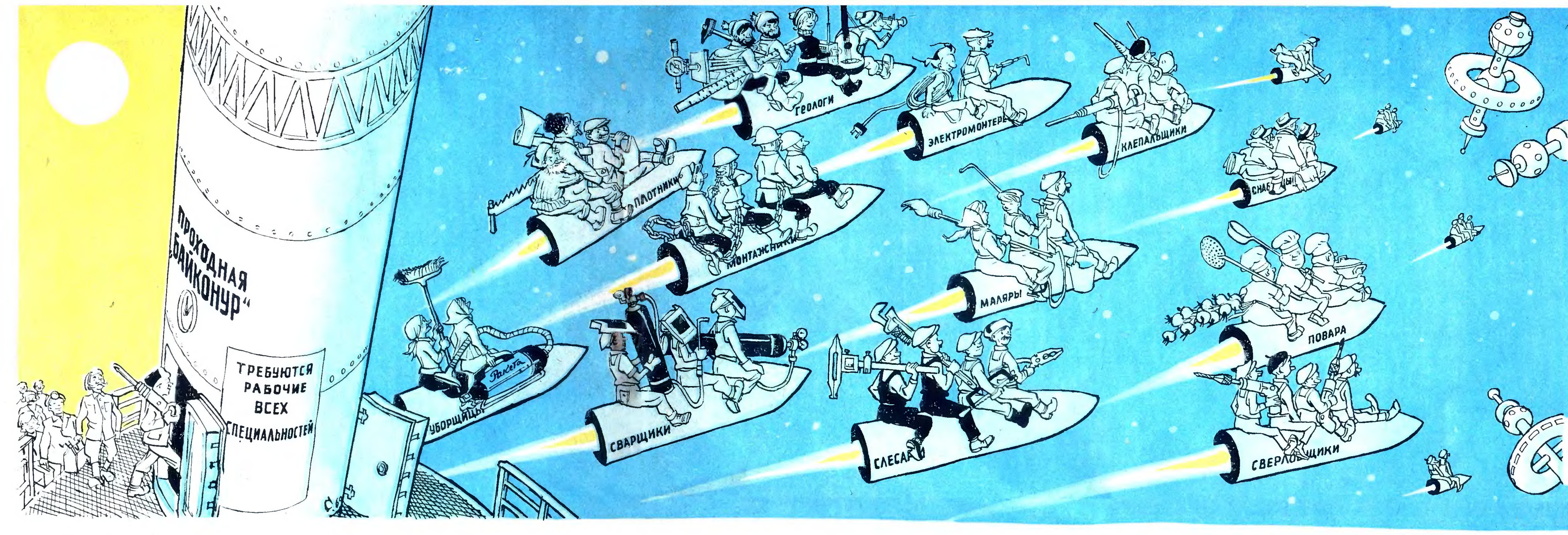
МАШИНУ И НАТАХИН ПОЗДРАВЛЯЮ ЖЕЛАЮ ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО =

ПОЛУЧИЛА ПУТЕВКУ ДАРАСУН ОТ 23 ИЮЛЯ ВЫЛЕТАЙ ПРЯМЫМ ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ РОСТОВ ЗАЕЗЖАТЬ НЕЗАЧЕМ ПОСЛАЛИ ДВА ПИСЬМА ЦЕЛУЕМ НИНА ВТОРОЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ

ПОЛУЧИЛА ПУТЕВКУ ДАРАСУН ОТ ИЮЛЯ ВТОРОЕ ПИСЬМО НЕЗАЧЕМ ПОСЛАЛИ ДВА ПИСЬМА ЦЕЛУЕМ=НИНА

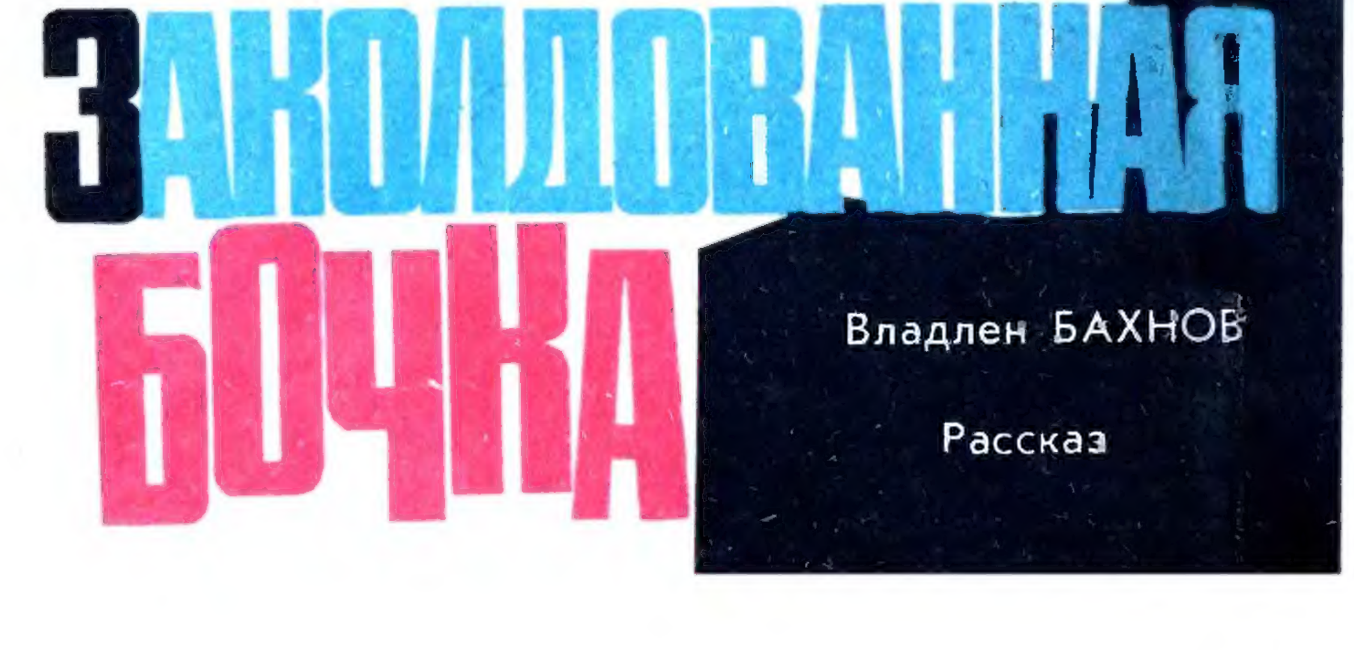
Говорят, что телеграфиста, как, впрочем, и переводчика, узнают по почерку. Ну что ж, неплохо, если человек работает в своем ключе. Однако не следует ли иным связистам сменить ключ? Тогда не понадобится искать ключи к разгадке телеграфных абранадабр.

Н. М.

НА РАБОТУ В КОСМОС (в недалеком будущем).

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЗАКОЛДОВАННАЯ БОЧКА

Владлен БАХНОВ

Рассказ

Поздним летним вечером я вел свою машину по безлюдному, темному переулку. Ехал я не торопясь, осторожно объезжая выбоины и лужи... И вдруг откуда-то выскочил огромный грузовик. Громыхая, сверкая фарами и разбрызгивая грязь, он обогнал меня и, резко развернувшись, стал поперек дороги. Все произошло так неожиданно, что я даже не успел растеряться и с силой нажал на тормоза.

А из кабины грузовика выскочил здоровенный детина и направился ко мне.

К этому времени я уже достаточно пришел в себя, чтобы почувствовать страх. Быстро включив заднюю скорость, я попытался уехать задом наперед, но было поздно. Детина подошел ко мне и хрипло спросил:

— Бензин нужен? Отдам по дешевке. Берешь триста литров, даешь на литр — и квиты!

— А куда ж я триста литров дену? У меня и бочки такой нет!

— Тара моя, с доставкой на дом. Обслуживание — будь здоров! И все за тот же литр. Ну как?

Теперь, когда я понял, что жизнь моя в безопасности и грабить меня тоже вроде никто не собирается, я приободрился и даже обнаглел.

— Литр — это вы дорого просите,— сказал я.— За пол-литра возьму.

— Ну черт с тобой! — легко согласился он.— Бери. Для хорошего человека не жалко!

Вскоре железная бочка с бензином была сгружена у меня во дворе, а водитель получил оговоренную сумму и пообещал со временем заехать за тарой.

— Эта бочка за мной числится,— объяснил он.— А наша база, понимаешь, за экономию борется. Так что тару придется вернуть. Как она у тебя опорожнится, ты вот по этому телефончику брякни и Семку кликни. Семка — это я.

С этими словами мой новый знакомый поспешно уехал, потому что приближался тот час, когда начинают закрывать магазины.

А я стоял у бочки и радостно думал, какую замечательную с финансовой точки зрения операцию мне удалось провернуть. Триста литров бензина стоят двадцать один рубль, а я купил их за трешку, то есть в семь раз дешевле!

Я пошел сообщить жене эту приятную новость. Но жена — юрист по образованию и паникерша по характеру — выслушала мое сообщение без особого восторга.

— А что если захотят узнать, где ты взял этот бензин?

— Это мое личное дело.

— Ошибаешься! Ты, милый мой, замешан в уголовно наказуемом деянии, предусмотренном статьей 5169, часть вторая, пункт «Б».

Я растерянно посмотрел на жену До этой минуты я действительно ни разу не подумал, как я смогу объяснить соседям мое подозрительное приобретение.

— Но ведь пока никто ничего не знает,— попытался я успокоить жену.

— И не должен знать! — решительно проговорила она. — Нужно спрятать твою покупку сегодня же ночью! Это единственный выход.

— Но где я могу спрятал триста литров горючего?

— Надо подумать.

И она придумала... Всю ночь я переливал бензин из бочки в канистры. Лифт у нас по ночам не работает, и таскать тяжеленные канистры на шестой этаж приходилось пешком. Дома я выливал бензин в первую попавшуюся посуду и налегке снова бежал к бочке. За ночь я совершил пятнадцать рейсов, и к рассвету бочка наконец оказалась пустой. Но зато вся имевшаяся в квартире тара, включая сидячую ванну, была заполнена бензином.

Смертельно усталый, я плюхнулся на тахту и с наслаждением закурил. Однако наслаждался я недолго: теща увидела горящую сигарету и, вскрикнув, упала в обморок.

С этой секунды в квартире под угрозой взрыва и пожара запрещено было курить, зажигать спички и пользоваться газом. Питались мы всухомятку и сидели в темноте, так как теща заявила, что при включении света вылетает электрическая искра, которая тоже может послужить причиной взрыва.

На работу я не ходил, потому что мои женщины боялись остаться одни в огнеопасной квартире. Пришлось взять отпуск за свой счет. Таким образом, каждый литр купленного мною по дешевке бензина обходился мне теперь вдвое дороже государственного. Но это было только начало...

На третий день к нам ворвалась испуганная соседка. Она объявила, что в нашем подъезде слышен какой-то странный запах. Наверное, где-то просачивается газ, и поэтому следует срочно вызвать инспектора из «Мосгаза». Я пообещал лично заняться этим. Прекрасно понимая, чем для меня кончится приход инспектора, я всю ночь переливал бензин обратно в бочку. А рано утром повез эту проклятую бочку на дачу к двоюродному брату. Конечно, для этого мне пришлось взять грузовое такси, и теперь уже каждый литр моего дешевого горючего стоил мне примерно в четыре раза дороже обычного. Бочку мы спрятали в самом конце участка и ловко замаскировали ветками.

Впервые за много дней я облегченно вздохнул, радостно огляделся вокруг и с ужасом увидел, что по ту сторону изгороди в двух метрах от бочки дачники-соседи разжигают костер для шашлыков.

Двоюродный брат бросился было к соседям, чтобы объяснить им, какую смертельную опасность таят в себе их шашлыки, но я остановил его: ведь статья 5169, часть вторая, пункт «Б», продолжала действовать.

Брат смотрел на меня так, что я чувствовал, как безвозвратно теряю родственника. Ведь ко всему прочему оказалось, что у этого оптимиста дача даже не застрахована...

И тогда у меня появилась до гениальности простая идея, как избавиться от бензина. Для того, чтобы израсходовать триста литров горючего, нужно проехать около трех тысяч километров. Значит, если я сейчас же выеду на окружную дорогу и стану на большой скорости крутиться вокруг Москвы, то уже через каких-нибудь три дня бензин будет израсходован до последней капли.

Не теряя времени, я выехал на окружное шоссе и принялся за свое нелегкое дело. Я кружил вокруг столицы, как спутник вокруг планеты. Но уже на третьем витке у меня мелькнула страшная мысль: а что если, пока я тут прохлаждаюсь, дача уже горит?

Я постарался взять себя в руки, однако на пятом витке нервы мои не выдержали, я свернул с кольцевой и помчался на дачу.

Дача еще не горела. Но двоюродный брат уже успел упаковать все вещи и отправить семью в безопасное место.

— Я не могу рисковать своими детьми,— холодно сказал он,— и сам не буду здесь жить. А ты сиди тут и стереги свой бензин, хоть я был бы рад, если бы ты успел перевезти бочку подальше от моей дачи. Прощай!

Ну куда, куда я мог везти этот треклятый бензин? Обратно домой? И тут я вспомнил, что Сема велел позвонить ему, когда у меня освободится тара. Я бросился к телефону.

Сема, к счастью, оказался на месте.

— Здравствуйте! — радостно закричал я.— С вами говорит тот, у которого осталась ваша бочка.

— А, здорово, здорово! — прохрипел Сема.— Что, освободилась тарочка? Можно забрать?

— Да, да, заезжайте, и чем скорее, тем лучше.

— Мы по-быстрому!

— Только видите ли, в чем дело: эта бочка на даче. Почти весь бензин ваш цел, и я хотел бы, чтобы вы его забрали вместе с бочкой...

Сема даже не удивился.

— Можно и с бензином. Только какая твоя цена будет?

— Какая там цена! — восторженно завопил я.— Никакой цены! Отдаю бесплатно!

— Ты-то бесплатно отдаешь, да я-то бесплатно не беру,— спокойно возразил Сема.— Я спрашиваю: сколько ты заплатишь за то, чтобы я твой бензин вывез?

Такая неожиданная постановка вопроса несколько удивила меня.

— Я, право, не знаю... Ну, пять рублей заплачу...

— Не пойдет! На четыре пол-литра дашь — заберу горючее, нет — пеняй на себя!

Я не стал раздумывать, и через час с помощью благодетеля Семы избавился наконец от бензина, каждый литр которого стоил мне теперь полтинник.

— Ну бывай! — сказал мой благодетель, небрежно сунув в карман деньги.— Не поминай лихом.

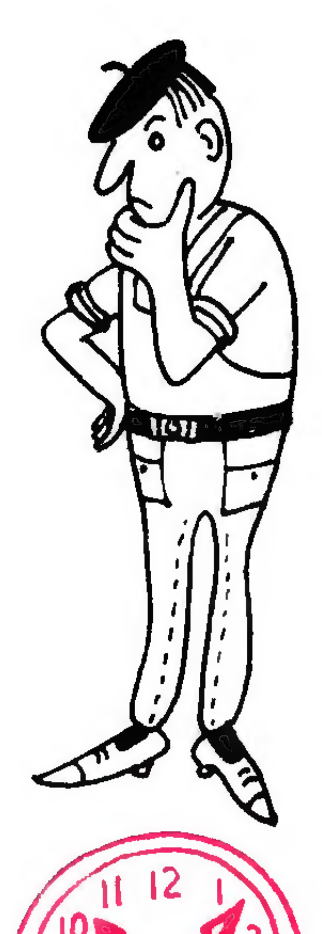
— Большое вам спасибо! — растроганно ответил я.— Вы меня просто выручили!

— Чего там! Не тебя первого! — засмеялся водитель.— Веришь, нет, я эту самую бочку уже раз пятнадцать продавал и забирал обратно. Отдаю за бутылку, забираю за четыре. Ничего, жить можно!

Семен КОМИССАРЕНКО

Возвращение

Быть бы нашему участку в передовых, если б не Фуфайкин... Всех подводит. Опаздывает на работу. В среднем на двадцать минут.

— Так далеко живу,— оправдывается Фуфайкин.— Только одним троллейбусом тринадцать остановок ехать, не считая двух по требованию! А еще пешком... Представляете?

— Знаете что, Фуфайкин,— предложил однажды начальник участка.— Начинайте работу на час позже. Разрешаю в виде исключения. Добро? И на час позже, разумеется, будете кончать!

Стал Фуфайкин приходить на час позже. Все равно опаздывает. В среднем на двадцать минут...

— Только одним троллейбусом тринадцать остановок ехать, не считая двух по требованию! А еще пешком...

— Приходите на два часа позже! — вскричал начальник участка и уже тише добавил: — На два часа позже будете уходить...

Вскоре действительно Фуфайкин стал меньше опаздывать, потом еще меньше, когда начал приходить на три часа позже.

— Почти порядок,— высказался Фуфайкин.— Можно уже и остановиться, Степан Степанович...

— Нет, нет,— воскликнул начальник участка,— не будем останавливаться на достигнутом, доведем дело до полного порядка!

С каким-то даже азартом он то и дело сообщал Фуфайкину:

— На четыре часа позже!

— На пять!

— На шесть!

— На семь!

— Позвольте! — изумился профорг.— Да вы же его совсем вытолкнули во вторую смену?!

— Вот и прекрасно! — воскликнул начальник участка.— Пусть теперь вторая смена с ним возится!

Спустя некоторое время, однако ж, Фуфайкин появился снова...

— Какими судьбами? — взволнованно спросил начальник участка.

— Это гора с горой не сходится, а человек с человеком — запросто! — ответил Фуфайкин.— Сперва, значит, вторая смена «вытолкнула» меня в третью, а третья, Степан Степанович, снова к вам...

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

Неправильный глагол

Мой друг владел двадцатью языками, я — пятнадцатью. Мы сидели у него и пили чай. Я знал, что жена моего друга, убиравшая со стола посуду, владела только родным языком.

— Это была не женщина, а мечта! — воскликнул мой друг на японском.— Натуральная блондинка, а глаза какие! Фигура, осанка, походка! — добавил он на французском.

— И что же дальше? — спросил я на хинди.

— Пригласил ее в ресторан...— продолжал он на арабском.— Пили, смеялись, танцевали, дурачились...— зачастил мой друг на итальянском.— Потом проводил ее домой...

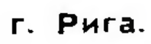
— Дорогой, о своих похождениях ты мог бы распространяться в другом месте! — заявила его жена.

Я поперхнулся чаем и опрокинул стакан.

— Какие похождения? Мы говорили о неправильных глаголах в испанском...— забормотал он и, улучив момент, шепнул мне на одном из зулусских диалектов: — Владеет только родным, а все поняла!

— Вот это проницательность! — воскликнул я на турецком.

— Неправильные глаголы — слабость моего мужа,— сказала хозяйка на русском, обращаясь ко мне.— Когда он о них говорит, у него глаза становятся маслеными.

г. Рига.

Выступление очевидца Октябрьских событий.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Виктор ЧЕТВЕРГОВ

ЖАНДАРМСКИЕ СТРАДАНИЯ

В глухую дооктябрьскую пору чиновные мракобесы стремились вытравить и погасить передовую мысль простым методом: «Не пущать!» Нужно признать, что действовали они с похвальной ретивостью, добросовестно выслуживая титулы и поместья.

— Уничтожить крамольную пропаганду в зародыше! — приказало самодержавие устами всесильного жандармского управления.

И петербургский цензурный комитет с прямолинейной твердостью, которой позавидовал бы сам Аракчеев, приговорил в 1895 году к сожжению сборник марксистских статей под названием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

Цензор Матвеев с отменной полицейской проницательностью усмотрел в нем «вредное направление, клонящееся к потрясению общественного и государственного порядка и притом высказанное не в качестве отдельного личного мнения.., а в виде программы русских последователей учения Маркса».

Примечательно, что царский цензор, облеченный полномочиями решать участь печатных изданий, самый негодующий удар доклада обрушил на статью К. Тулина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», представлявшую, по его мнению, «наиболее откровенную и полную программу марксистов».

Что же касается автора статьи, то он очерчен цензором как «последователь вредной пропаганды социализма, которую вел Маркс в качестве основателя и председателя Интернационального Общества Рабочих».

Воздадим должное безупречному охранительному нюху Матвеева. Он не ошибся ни на йоту. Действительно, наиболее твердым и непреклонным марксистом оказался К. Тулин, позднее ставший известным миру под именем В. И. Ленина.

Председателя же петербургского комитета по делам печати графа Головина вогнала в холодный пот брошюра «Победа кадетов и задачи рабочей партии». 2 декабря 1906 года в отношении на имя прокурора петербургской судебной палаты он с вдохновением квартального надзирателя писал:

«Автор не видит никакого выхода для русского народа из его нынешнего положения, кроме революционного. Все произведение — сплошной призыв к вооруженному восстанию и диктатуре пролетариата. Брошюра подлежит аресту и преследованию по параграфу 1 статьи 129 уголовного уложения 1905 года. Сообщая о сем, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры Н. Ленина...»

Годами кипела засекреченная переписка между цензурным комитетом и департаментом полиции. Цензура требовала уничтожения и искоренения марксистско-ленинских идей.

В марте 1913 года директор департамента полиции Белецкий сокрушенно доносил министру внутренних дел:

«Сторонники большевистского течения... во главе с известным членом ЦК РСДРП Лениным стремятся к изменению существующего государственного строя... В то время как вся верноподданная часть населения России единодушно готовилась к празднованию высокоторжественного дня 300-летия царствующего дома Романовых, эта партия в лице вышеупомянутого ЦК... была занята выработкой директив по омрачению этих торжеств...»

Вряд ли предполагал директор департамента полиции, что «омрачение торжеств» — всего-навсего пролог к тем истинно высокоторжественным дням, когда революционный вихрь сметет романовское самодержавие вкупе с ничтожной «верноподданной частью населения России».

И долгие годы страницы газет эмигрантского зарубежья оглашались стенаниями и проклятиями одряхлевших Матвеевых, Головиных и Белецких по адресу большевиков:

— Что случилось? Почему взбунтовался плебс? Не мы ли ставили кордон революции? Не мы ли жгли ядовитые семена марксизма?

И еще долгие годы они исступленно бились в поисках ответа на жгучий, буравящий мозги вопрос: «Что же мы не так делали?»

— Грубая работа! — раздался наконец громозвучный голос новейших западных теоретиков.— Ваш полицейский метод борьбы принес только вред. В этом деле потребна тонкость ума и деликатность подхода. Иными словами, одной притягательной идее надобно было противопоставить другую!

И вот противопоставили.

Ныне трудами западных экономистов и философов мрачный фасад капитализма изукрашен подозрительно бравым лозунгом: «Общество мирного сосуществования классов и всеобщего благоденствия».

Короче — народный капитализм. Росчерком пера ликвидирована пропасть между эксплуататорами и эксплуатируемыми — осталась бесконфликтная семья умиротворенных тружеников.

Такова суть жиденькой теории «народного капитализма».

Однако эта теория отнюдь не последний крик антикоммунистической моды. Пороху буржуазные теоретики не изобрели, равно как и не предстали в роли открывателей чудодейственной идеологической целины. Как это ни будет для них огорчительно, следует сообщить, что приоритет и в этой области принадлежит опять-таки российским мракобесам, а точнее, белогвардейцам, битым во время гражданской войны.

Сохранился от марта 1919 года любопытный протокол совещания так называемого осведомительного верховного бюро при штабе Колчака. Бюро не только ведало полицейско-разведывательными функциями, но и вплотную занималось вопросами пропаганды. Протокол совещания, скрепленный неким Чулковым, осведомителем в чине подпоручика, настаивал:

«Чтобы поднять дух молодой возрожденной русской армии, необходимо проводить мысль, что новое русское правительство НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТНИЦЕЙ БУРЖУЕВ, а борется за интересы НАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА... Подобное разъяснение... проводить повсюду... а также в тылу войск противника, чтобы разъединить красных солдат от их комиссаров и тем самым... разложить Красную Армию. Для ведения пропаганды привлекать учителей, гимназистов, профессоров... В целях расширения агитации выделить пять вагонов бумаги, двадцать тонн шрифтов и прочих смазочных средств».

Обратите внимание: Колчак — ревностный противник буржуазии. Колчак в лукавой ипостаси решительного недруга как большевизма, так и капитализма!

Вот вам и таинство происхождения «третьего пути». Вот вам и Колчак — крестный отец нынешнего «народного капитализма», пытающегося сманеврировать в споре двух идеологий.

А сегодня западногерманский проповедник «народного капитализма» Вольфганг Дрекслер бросает сомнительной прочности якорь потерявшему устойчивость кораблю старого мира:

«Если свободным народам Запада в собственном доме удастся направить общественное развитие в русло народного капитализма, угроза большевистской агрессии (читай: социалистической революции.— **В. Ч.**) потеряет всякую почву...»

Плохи, знать, дела, господин Дрекслер! Почти как у Колчака, который пытался сокрушить социалистическое преобразование России не мытьем, так катаньем: если не силой оружия, то контрабандой шарлатанских идей.

Как известно, ничего не вышло. Сквозь тусклую позолоту белогвардейского «народовластия» грубо проступало обличье ненавистного режима эксплуатации. Белым диверсантам не удалось разложить Красную Армию. Выделенная для пропаганды бумага пошла в утиль. А смазочные средства нашли себе, видимо, более достойное применение. Иначе никак не объяснить того невиданного по скорости драпа, который совершила разбитая армия омского правителя от Перми до Иркутска, разбрасывая по пути оставшиеся без пользы шрифты.

Адмирал — первопроходец «народного государства» — сел в основательную лужу. Западных поборников «народного капитализма» ждет не лучшая посадочная площадка.

Александр МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила

В нашей миогонациональной стране более ста крупных и малых народов. Об одном из них и пойдет речь.

* * *

На автостанции Махачкала пассажиры атаковали водителя Магомеда Дибирова. Развязывалась посадка на автобус в Кумух.

Водителем говорилось, что в зтом автобусе всего 19 мест. Но где 19, там 30, а где уместились 30, почему не войти семидесяти? Магомед Дибиров, лакец, был смят земляками, придавлен к своим рычагам, и ему оставалось одно — дать газ.

Однако автобусный коробок выползал на шоссе недостаточно споро, н случилось так: оставшийся овцевод придал своему телу полную несгибаемость, два кунака подхватили тело, подняли над головами, помчались бегом за автобусом и вбросили тело в опущенное окно.

А автобус тем временем превозмогал путь — сто семьдесят километров — на высоту около двух километров, в Кумух.

* * *

В Кумухе живут лакцы — привлекательно умное население.

— А единственное число как же — лак?

— Лакец тоже можно. Лачка.

...Известно, откуда пронзошли славяне. Монголы. Персы.

Про лакцев ничего не известно, откуда взялся такой резвый на мысли народ.

Лакцы бралн на себя смелость обо всем защищать диссертации. Но за самую, казалось бы, близкую — «Кто мы, шестьдесят пять тысяч, откуда?» — не взялся никто.

Во всех отделениях Академии наук тоже пошевелят пальцами, встревожат бороды, но не скажут ответа.

И старцы с осанкой беркутов, кумухские долгожители, не вспомнят легенд о становлении нации — нету таких легенд.

Отбросив несколько тысяч лет, напишем: сегодня в обкатанных ветром горах живет нация, из глаголов ей больше всего приятен глагол «думать», из существительных — слово «земляк». Это нация древняя, две тысячи лет ее столице Кумуху, и еще не известно, как правильней ставить вопрос: дети ли гор или, напротив, горы — чьи дети? Ибо мышление — а в нем, как хотите, можно разделять горное и равнинное,— мышление у малеиького народа равнинное. Кто станет спорить, что мир вообще тяготеет к равнинам? Человечество спускается с гор на равнины, как некогда обезьяна спустилась на землю. И лаки спускаются, только, может быть, быстрее других.

Отток происходит, большой отток из Кумуха.

Озаботясь судьбой народа, подпираясь самшитовыми батогами, собираются у озерка старики и вздыхают: зря, зря покидает юность горы отцов. Эти вершины скудны, но они воспитали дух нации. А что делает город с людьми?

— Алиев-пятый вчера обогнал меня, не спросил, щенок, разрешения обогнать. Дендрология заслонила в его голове законы аула.

— Закуев-восьмой пересек мой путь, тоже не извинился. «Этому учат вас в городе трудовой и боевой славы Москве?» — спросил я его.

— Шароев-второй пил вино при отце, и отец улыбался. Успехи молодежи туманят глаза родителей. Если ты программист и почетный стипендиат, так уже можно плевать в бороды старцев?

— Мне было тридцать, я младший в семье. Отец собрал нас, сыновей, за семейным столом. Сердца наши бились — что-то назрело! Душило волнение, не могу передать вам. Отец достал водку из сундука, и... он налил нам! «Дети,— сказал он,— вы взрослые, и у вас уже дети. Отныне я позволяю себе видеть, как вы пьете по одной рюмке при мне». Мы плакали и

кланялись папе. Высокое доверие! Высокая честь! А теперь они являются на каникулы из своих небоскребов, выпивают стакан водки, пускают из носа дым, н мы им подносим спичку — позор нации! Куда поступил ваш уважаемый племянник? Филфак?

— Вы будто не знаете. Ясно, не иа мехмат.

— А что вы так ерепенитесь? Вот вылетит он...

— За своим смотрите, как бы не вылетел.

И, дырявя пыль батожками, возмущенно сопя и оглядываясь, расходятся спасители нации — подносить спички внукам, паковать им в дорогу каурму, чихиртму, сыр овечий, интриговать за место для внуков в автобусе, ибо первое сентября на носу.

* * *

Пройдено полпути, и люди торчат головами в окна, в природу, в наступившую ночь. Лишь где-то в теснине под ними визжит, ломится в скалах река Лакский Куй-су.

Затем вползаем в Кумух. Под луной белеют плоские крыши из утрамбованной глины, стоят возведенные из брусков кизяка пирамиды, и мраморные доски над входом во все дома арабской вязью призывают благодать на входящего. Маршрут истек, Магомед Дибиров сутулится за унылым меню в столовой, где нарисованные большим форматом Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович много лет с ненавистью следят со стены за действиями поваров и буфетчика Рамазана.

* * *

У муздзина были серая и белая ниточки. Оседлав минарет мечети, строго по мусульманским правилам поступал муэдзин. В темноте он таращил глаза на нитки, и миг, когда серую мог отличнть от белой, провозглашал наступлением утра.

В Кумухе давио уже нет муздзинов, в Кумухе привыкли первенствовать. Тысячу триста лет назад, когда через горы вломился в Кумух предводитель арабов Абу-Муслим, лаки села Убра первыми приняли мусульманство: кому не хочется жить! Последний раз поели свинины, потом тринадцать веков не ели.

Лаки первыми приняли мусульманство, первыми с ним простились. В мечеть Абу-Муслима люди райпо втранспортировали пищепродукты, потому что прохлада припасам на пользу, а в мечети прохлада. Так вера заглохла.

Камни, конечно, еще взывали о мусульманстве, ибо весь священный Кумух, Кази-Кумух, сложен из могильных плит былых поколений.

Камни взывали. Поэтому лакец, починая прохладную водку из запасов райпо, окунал мизинец в стакан, стряхивал каплю и без богобоязни пил. Не могло возникнуть трений с аллахом, ведь в коране записано: «И первой капли не пей». Он не пил первой, стряхнув ее на пол. Стряхнул и говорил о том, что Кавказ знавал много народов. Были народы, для которых высшее удовольствие и проявление жизни — война с приправой пиров и любви. Другие находили удовольствие в мести. Лакцы держались золотой середины: немного войны, чревоугодия, мести, любви — много труда и терпения.

Война часто рушилась на Кумух. Были Абу-Муслим, Чингисхан, Батый, Надир-шах со стотысячной армией (перемололи всю армию), Тимурленг, против которого водила войска лакская девушка Парту Патима (любовь драматургов). Были турки, деникинцы, белобандиты — нет никого, остались горы и лаки.

Но воевалн они с отвращением. Специальность худая.

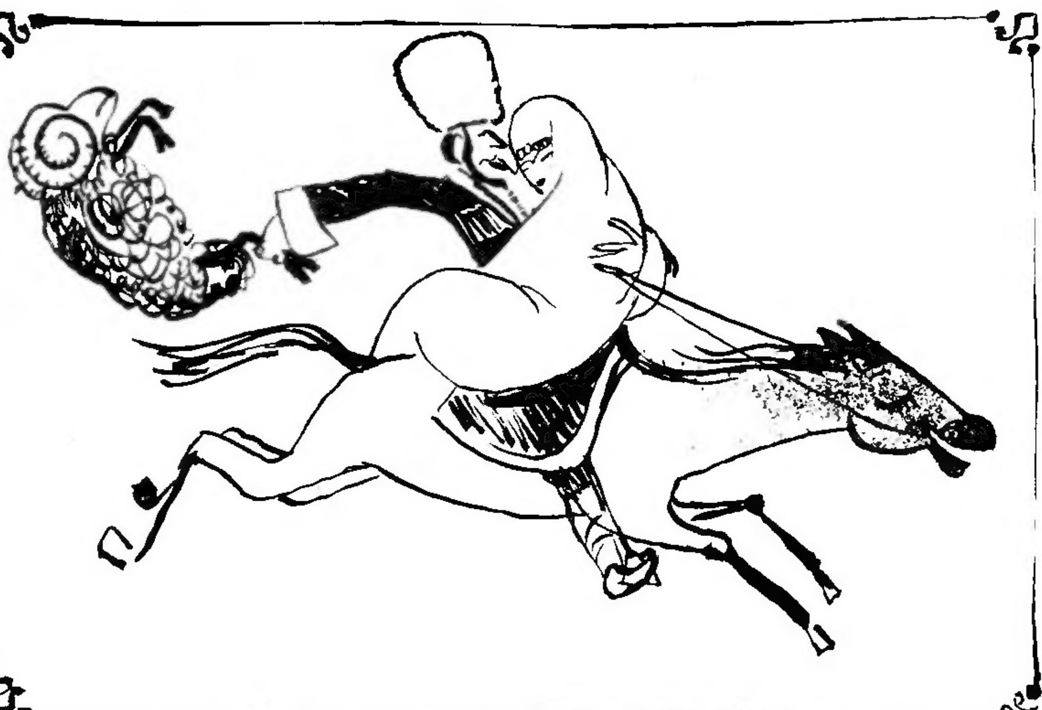
И как трудно было найти специальность в рыжей, торчащей местности! На клочок пригодной земли, называемый нынче гектаром, падало 35 душ — где прокормиться?

Тогда лакцы поехали. Весь мир видели лакцы-отходники, и мир видел лакцев. А те, кто остался, избрали: Кумух — ювелирное дело, Шовкра — сапожное, Цовкра — хождение по канатам, Унчукатль — лужение и медное дело, Турчи — нищенство, Вихли — острословие, производство оружия. Пробовали еще пути: красть овец и для выкупа — девушек в Грузии. Человек снимал всю одежду, голый, на четвереньках забегал в овечью отару и влезал под животное, так же на четвереньках уводя овцематку нз стада.

— Но голый почему?

— На голого,— пояснили тотчас старикн,— собаки ие лают. Им удивительно.

Но дело было все же опасным. Да и с девушками оконфузились. Украли как-то девушку. Ждали гонцов из Грузии с выкупом. Прнмчался гонец, плюнул в ухо одиому, вычистил сапоги об другого, девушку поворотил за собой, и ничего нельзя было сделать: к тому времени столько лакцев проживало в Тифлисе, что украли свою же лачку, племянницу, можно сказать.

И новые волны отходников шли из Кумуха. И, встретившись под звездами Мадрида, Дамаска, Варшавы, чериоглазые, бородатые люди говорили:

— Ца! Нельзя разрезать арбуза, чтобы оттуда не выскочил лакец!

Но как-то молодой человек, пошедший от ветви кумухских созерцателей, звездочетов и мудрецов, попал к стенам университета в Каире. Он был замечен, юноша из Кумуха Али Каяев. Глава университета Абдул Мохаммед сказал лакцу, прошедшему курс наук:

— Великая честь! Твое усердие и светлый ум подсказывают нам взять тебя в муалимы.

Лакский народ невероятно везуч. Блестящий педагог университета, Каяев сразу же срезался в богословской дискуссии с Абдулом Мохаммедом. И, как водилось, поступила команда: вышибить дух из еретика.

Ночью пошли вышибать. Но, предупрежденый студентами, Али Каяев уже держал путь на Стамбул, через Стамбул — на Кумух. А в Кумухе — что же, там было кого учить.

* * *

Как тесно, какая толчея летом в Кумухе! Будто всегда четверг и базарный день. Улица просто кипит, погода солнечная, на короткий рукав, и за теплую бурку ие дают больше тридцати рублей на базаре, не в ходу и папахи — с утра у ворот базара млеет на корточках старец, папахи стопкой на голове и еще четыре вздеты на коленн и руки — нет покупателя.

А кто покупает нынче папахи? Ну уж не горцы. Так зачем и производить? Есть резон производить. Народу полон Кумух, лакские отпускники из больших городов, и у студентов каникулы. Ни один лакец, как бы далеко он ни жил, не проведет отпуск в стороне от Кумуха. Август пройдет, и именно лакец с равнин купит папахи. Папахи будут подарены официальным оппонентам и академикам в больших городах. А буркой укроются трое лакских студентов, поскольку отопительный сезон в городах ненадежен.

Безумны в Кумухе последние августовские дни. Автобусные билеты проданы по сентябрь. Предположителен самолет, ио, как говорят вихлинцы, в махачкалинском порту если что и летает, так разве мухи и ласточки.

Что наделал Каяев Али! Жили на свете ювелиры и нищие, а ныне задыхается автотранспорт, отсасывая в конце августа из ущелий докторов наук, кандидатов наук, инженеров, студентов и аспирантов. Вся нация учится — каково? И тут же композитор Кажлаев, тот, что из семьи Кажлаева, доктора медицины (или наоборот, кто теперь знаменитей?). А вст мелькнул атомник-лауреат, и N-ский командир N-ского ракетоносца. А не присутствует сколько! Профессиональный революционер Габиев Саид, отец советской лакской литературы (не дожил немного, похоронен в Кумухе); министр финансов страны Абиссинии; кавалер Почетного легиона, герой французского Сопротивления — парикмахер Кумуха. Он здесь, но он не придет. У него много работы. И еще больше будет, если судить по тому, сколько белых сорочек отъезжающих обнимается на веревке с ветром.

А возле книжного магазина стоят ишаки в горной сбруе. И ишаки, шатаясь, увозят по горным тропам в больших плетеных корзинах груз книг, а там, наверху, строго спросят родители:

— Но не меньше ли ты приобрел книг, чем сын соседа Алиева? Может быть, недостает какой-ннбудь книги?

Есть разные соперничества меж людей:

— Сидоровы купили мебельный комплект «Тюльпан», а мы до сих пор чешемся!

Кто-то едет на зкспортной «Волге», и другой товарищ получил от зтого иесварение плюс колит и засыпает спокойно только тогда, когда затискает под капот своей «Волги» клаксон, бнбнкающнй мотив «Сулнко»: переплюнул!

Лакцы не зиают всех этих явлений. Есть одио яростное соперничество в лакских горах:

— У нас два филолога и писатель, чем вы ответите?

— То-то ваши филологи у нашего Мурадика брали университетский значок поносить!

— Это они когда еще брали... Были невзрослые.

— Но ведь брали?

А уж обоих косит под корень радостный, почти газообразный дедушка, взлетевший на соседнюю крышу:

— Салам алейкум, о чем разговор?

— Ва алейкум салам. Он говорит — университет слабей института.

— Ца,— говорит дедушка, вибрируя от злорадства.— Университет, институт... Я слаб глазами, сосед, прочти, мне пришла телеграмма.

И сосед, прочтя: «Назначен доцентом. Зрею на доктора»,— скрывается в доме, шарахнув дверью.

А докторская созреет. Она будет, ее принесут добросовестность, ясность в определении цели и упорство в ее достижении. Будет докторская, потому что есть ум, есть национальная черта — усидчивость и кропотливость, воспитанные на ювелириой работе.

И кто бы ты ни был, хоть почетный член всех академий, ты помнишь, что отец (а дед уж наверняка!) ходил с алмазным шильцем кустаря-ювелира по свету, узнавая, в чем польза для человека и какую высшую пользу может дать человек.

Кустари, сошедшие с гор, докопались до сути.

...В шесть утра при усиленном наряде милиции идет посадка в махачкалинский автобус. Неизвестно, кто втиснулся в него через дверь, кто заполз через выхлопную трубу. Откройте багажник в этом автобусе — и там, может статься, найдете лакца. Он должен ехать, ему надо позарез на учебу. Когда он был маленьким, он вытатуировал на руке университетский значок.

Толпа кричит, колыхаясь, отползает автобус, летит внутрь уже иеизвестно чей «подорожник» — печеная баранья нога, обернутая лепешками, а впереди дорога и ни одной непродуктивной молодости.

Село Кумух. Дагестан.

Юрий ФЕДОРОВ

ПРОСТО АНЕКДОТ

Париж переживает жилищный кризис. Однажды вечером прохожий видит, что в Сене, взывая о помощи, тонет мужчина.

— Где вы живете? — крикнул он тонущему.

— На улице Темпль, 25. Спасите меня!

— А как вас зовут?

— Пьер Дюпон. Умоляю вас, вытащите меня!

Прохожий идет по назначенному адресу и обращается к хозяину дома:

— Я пришел снять квартиру господина Дюпона, который только что утонул в Сене.

— Вы опоздали. Квартиру снял господин Дюбо.

— А кто такой господин Дюбо?

— Это тот, который столкнул господина Дюпона в Сену.

●

Покупательница в магазине хозяйственных товаров обращается к продавщице:

— Я хотела бы купить дешевую металлическую вешалку.

— Пожалуйста. Вот эта стоит пять рублей.

— А дешевле у вас ничего нет?

— Почему же? Есть гвозди!

●

Встретились два человека.

— Чем ты сейчас занят? — спрашивает один другого.

— Пишу мемуары.

— Хорошее дело. А ты уже дошел до того места, когда я тебе одолжил сто рублей?

●

— Доктор, это правда, что если я буду есть много моркови, у меня улучшится зрение? — спрашивает пациентка окулиста.

— Конечно! Видели вы когда-нибудь кролика в очках? — ответил врач.

●

Директор фирмы, выпускающей изделия из искусственного меха, объявил своим помощникам:

— Господа, приятная новость! Наш научно-исследовательский отдел вывел моль, которая будет пожирать синтетину!

●

Девочка показывает подружке своего кота.

— Чудный котик, — говорит вторая малышка. — Одолжи его мне, у нас дома полно мышей.

— Нет, — отвечает первая, — лучше ты принеси к нам своих мышей.

●

Судья обращается к очевидцу драки:

— Свидетель! Значит, вы видели, как эти двое дрались стульями. Почему вы не попытались остановить их?

— А у меня не было третьего стула.

●

В 1897 году Марк Твен посетил Вену, где прожил некоторое время, занимаясь наблюдениями общественной жизни венцев. Венское общество писателей и журналистов, желая почтить вниманием знаменитого американского сатирика, устроило в его честь большой прием. После теплых приветственных слов председателя общества Марк Твен ответил небольшой шуточной речью, начало которой он произнес на немецком языке. Речь эта почему-то не вошла в собрание сочинений писателя.

Вот что сказал на этом приеме Марк Твен:

— Меня глубоко трогает такой теплый прием со стороны сотоварищей по перу в этой, столь отдаленной от моей родины, стране. Мое сердце полно благодарности, но бедность моего немецкого лексикона заставляет меня быть бережливым в выражениях. Извините, что дальше я буду читать то, что хотел бы сказать по-немецки. На немецком языке я говорю плохо, но многие знатоки уверяли меня, будто бы я пишу на нем, как ангел. Доселе с ангелами я не был знаком. Это, наверное, произойдет позднее (жестом руки Твен указал вверх), когда будет угодно всевышнему. Спешить же с этим мне что-то еще не хочется.

Давно уже я одержим страстным желанием произнести речь на немецком языке, но до сих пор осуществить это желание мне не удавалось. Люди, симпатизирующие мне, говорили: «Молчите, милостивый государь. Ищите лучше какой-нибудь другой способ причинить неприятности окружающим». Да и на этот раз ваше любезное общество также могло бы не дать мне права говорить по-немецки, так как девиз вашего общества — всячески охранять чистоту немецкого языка.

Но заверяю вас, я не имею никакого желания нанести ему вред — испортить этот благородный язык. Наоборот, я обуреваем желанием улучшить, реформировать его. Поэтому я ввел бы некоторые изменения в этот отличный язык. Во-первых, я сократил бы его пышную, растянутую конструкцию, выкинул бы и уничтожил в нем эти вечные вводные предложения. Я под страхом смерти запретил бы введение в одно предложение более тринадцати подлежащих, пододвинул бы глагол вперед настолько, чтобы не приходилось отыскивать его при помощи подзорной трубы. Словом, я максимально упростил бы этот славный язык.

Прошу вас, дорогие друзья, не оставляйте мой проект без внимания. Проведя предлагаемую мною реформу, вы получите великолепный язык.

Несколько дней назад один корреспондент здешней газеты ухитрился написать в своей статье фразу, содержащую сто двенадцать слов. В этой фразе было семь придаточных предложений, а подлежащее менялось тоже не менее семи раз. Бедное подлежащее!

Еще одно небольшое замечание. Я с удовольствием реформировал бы и ваш разделяющийся на части глагол.

Если бы все эти реформы были проведены, немецкий язык стал бы одним из прекраснейших языков мира.

Тот же корреспондент газеты, о котором я уже упомянул, в своем юмористическом фельетоне обо мне, напечатанном на днях, уверял венскую публику, что я приехал в Вену будто бы для того, чтобы торчать на здешних мостах, чем якобы препятствую движению городского транспорта. Мое частое присутствие на венских мостах имеет совсем невинное основание. Там я нахожу необходимый простор, чтобы продолжать свои исследования немецкого языка. Там я могу, например, растянуть длинное немецкое предложение вдоль перил моста. К одному концу перил я прикрепляю первый член разорванного на части глагола, а другой, заключительный, член помещаю на другом конце перил и между ними растягиваю самое предложение. Обычно для этой цели городские мосты Вены достаточно длинны. Но когда я стал изучать фельетон обо мне упомянутого выше корреспондента, мне пришлось воспользоваться бесконечным по длине государственным мостом. Не кажется ли вам, что я клевещу на этого корреспондента? Ведь он пишет по-немецки великолепно. Быть может, не так гибко, как я, но в некоторых мелочах даже лучше меня. Да простится мне эта лесть. Ведь она им вполне заслужена.

Я привожу свою речь к концу. Я здесь чужой, но в вашем дружеском обществе я совсем забыл об этом. Еще раз прошу принять мою сердечную благодарность за оказанный мне теплый прием и внимание, с которым вы так терпеливо выслушали меня.

Перевод и публикация Б. ШАФЕРА

Юрий БЛАГОВ

Со свадьбой не спеши...

Хотел жениться в двадцать лет
На чудной деве я,
Но тут же искренний совет
Мне подали друзья:
— Она красива — что таить? —
И ножки хороши,
Но, если честно говорить,
Со свадьбой не спеши!

Конечно, знал невесту я
Гораздо лучше, чем друзья.
Однако, знать могли друзья
И то, о чем не ведал я...

Хотел жениться в сорок лет
На милой даме я,
Но снова подали совет
Сердечные друзья:
— Ты с нею мог бы славно жить
И в центре и в глуши,
Но, если честно говорить,
Со свадьбой не спеши!

Конечно, знал невесту я
Гораздо лучше, чем друзья,
Однако знать могли друзья
И то, о чем не ведал я...

Хотел жениться в шестьдесят
На славной бабке я,
Но, как и много лет назад,
Встревожились друзья:
— Она б сумела сохранить
Покой твоей души,
Но, если честно говорить,
Со свадьбой не спеши!

Конечно, знал невесту я
Гораздо лучше, чем друзья,
Однако знать могли друзья
И то, о чем не ведал я...

. . . .

Так я и не женился!

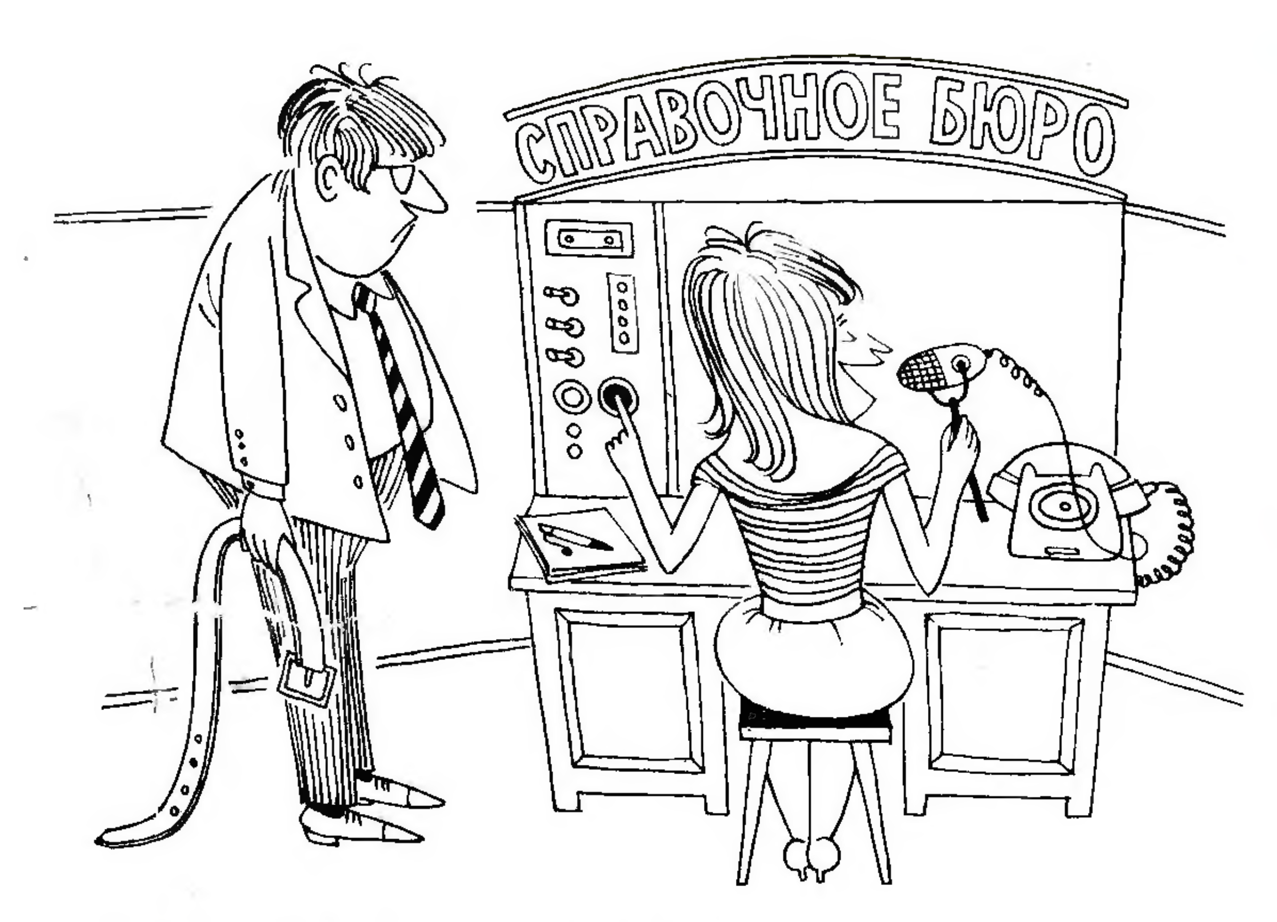
— Двух овец недостает!
— А я говорю — трех!

Рисунок Б. САВКОВА

Художник-маринист.

Рисунок А. ГРУНИНА

— Мальчик Витя семи лет! Тебя ожидает в справочном бюро папа с малиновым вареньем.

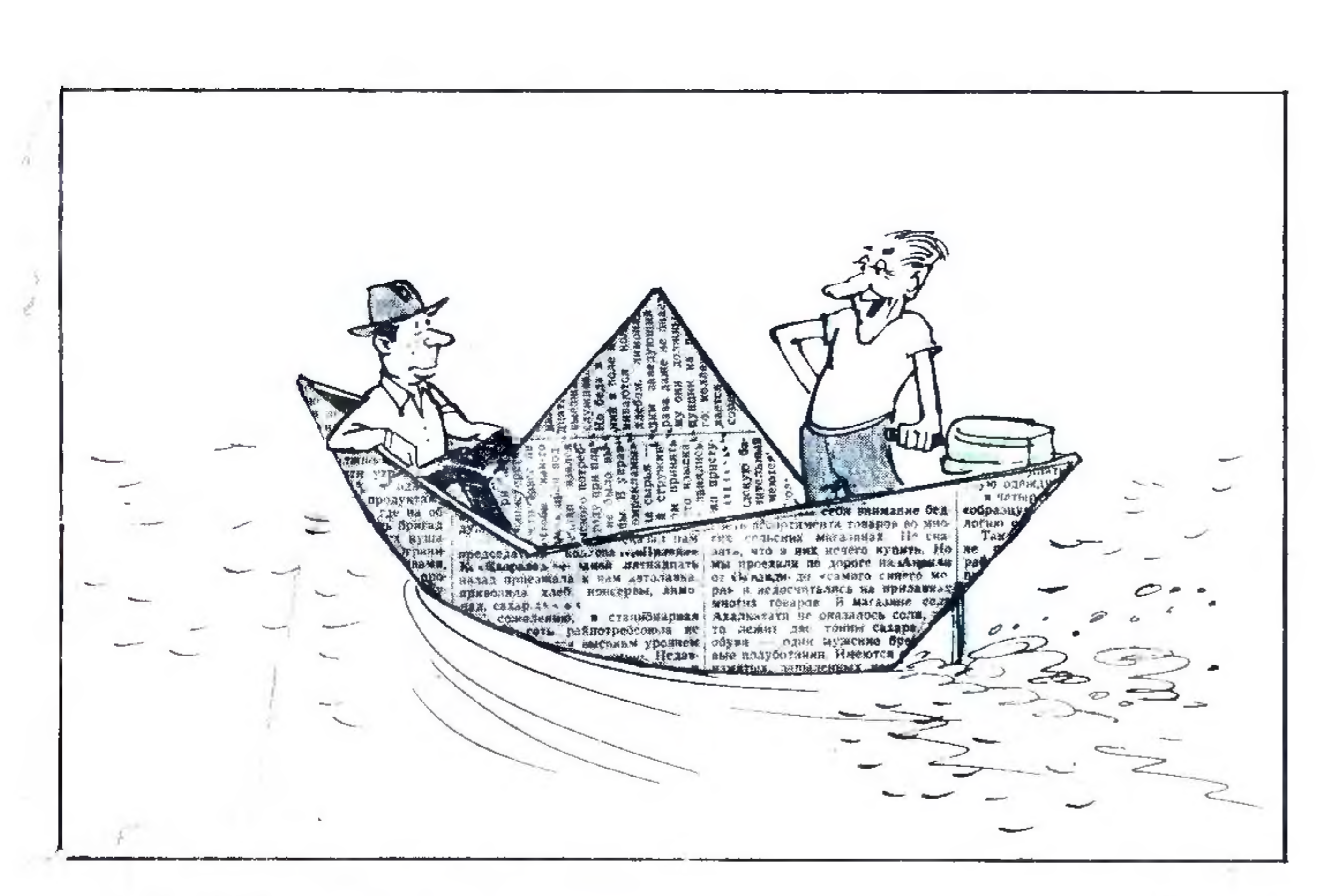

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Что это у вас на солнце сушится?
— Да шкура неубитого медведя.

Рисунок Г. ИОРША

— У меня еще в детстве возникла идея такой лодки...

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

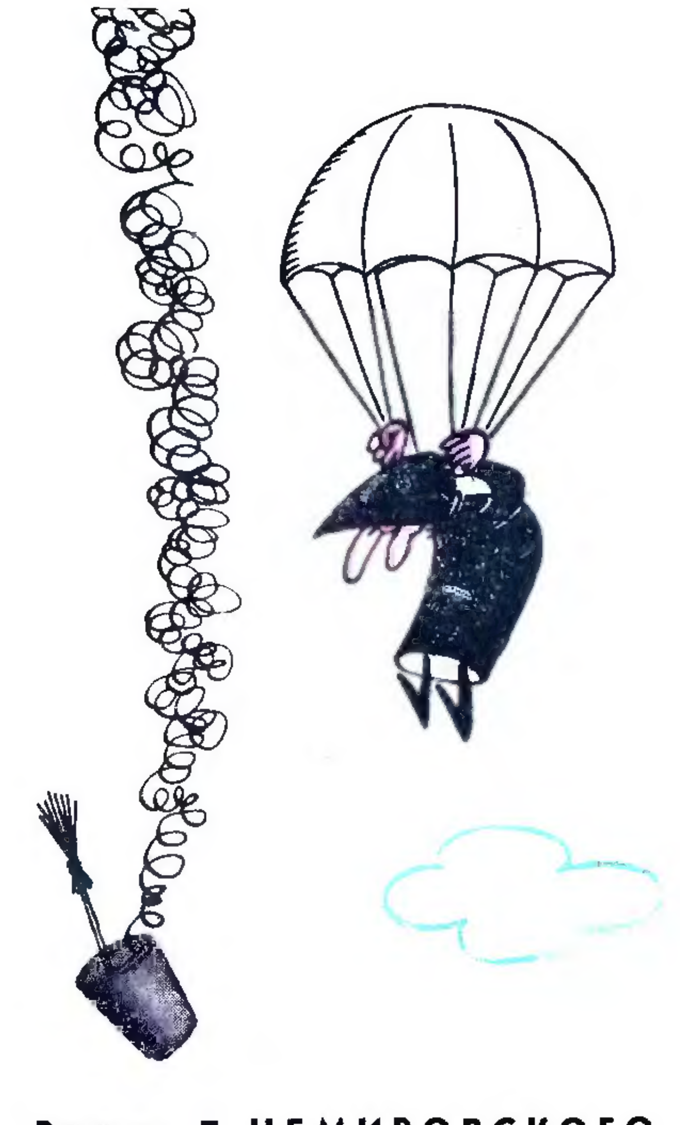

Рисунок Л. НЕМИРОВСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 30 (1932)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жарнов, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, Л. Немировский, Н. Станиловский, В. Соловьев, В. Шкарбан.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00212.
Подписано к печати 20/X 1969 г.
Формат бумаги 70×108⅛.
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз. (1 завод: 1—4 454 500).
Изд. № 1456.
Заказ № 2834.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

НОКАУТ НАВЕЧНО

Рисунок Юлия ГАНФА